

А. В. КВАКИН

**МЕЖДУ
БЕЛЫМИ
И КРАСНЫМИ**

Россия забытая и неизвестная

Андрей Квакин

**Между белыми и красными.
Русская интеллигенция 1920-1930
годов в поисках Третьего Пути**

«Центрполиграф»

Квакин А. В.

Между белыми и красными. Русская интеллигенция
1920-1930 годов в поисках Третьего Пути / А. В. Квакин —
«Центрполиграф», — (Россия забытая и неизвестная)

Книга посвящена анализу малоизученной деятельности ряда российских политических деятелей, философов и писателей в 1920–1930 годах (в основном в эмиграции), которые, осмысливая результаты Гражданской войны в России, пытались найти так называемый Третий Путь развития России – «между белыми и красными». Монография состоит из трех частей и подробно рассматривает эти поиски в русле «сменовеховства», «нововеховства», «национал-большевизма» и других сходных течений. В ней впервые вводятся в научный оборот многие документы, в том числе из архива Гуверовского института войны, мира и революции (США). Эта книга, в серии пятьдесят восьмая по счету, входит в проект издательства «Центрполиграф» под общим названием «Россия забытая и неизвестная». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

Содержание

От автора	5
Меня вехи	7
Накануне смены вех	12
Ключников и эволюция кадетов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Квакин

Между белыми и красными.

Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути

От автора

В данную монографию вошли аналитические оценки работ самых разных людей – философов, писателей, общественных деятелей России. Наверное, большинство из них даже не согласились бы (за исключением профессора Н. В. Устрялова) с тем, чтобы их определяли термином «сменовеховцы», «нововеховцы», «национал-большевики». И все же есть основания, и достаточно веские, для того чтобы отнести их к категории лиц, которые в своих теоретических изысканиях и практической деятельности пытались в первой трети XX в. соединить коммунистические лозунги и патриотические цели.

К сожалению, история данного явления слабо изучена. Практически единственным исключением является книга Михаила (Мелика Самуйловича) Агурского «Идеология национал-большевизма» (Париж: YMCA-PRESS, 1980). Путаницу в понимании левонационалистических течений первой трети XX в. вносят современные политические процессы. Так, существует небольшая политическая партия во главе с Эдуардом Лимоновым, называющая себя «национал-большевистской», хотя она достаточно отдаленно идейно связана с национал-большевизмом того же Н. В. Устрялова. Кроме того, в официальных средствах массовой информации усиленно насаждается представление о «красно-коричневой» угрозе, подразумевающей лево-националистические течения, но и здесь связь с основополагающими идеями национал-большевизма весьма относительна.

Однако и в первой трети XX в., и сейчас существует немало политических деятелей и групп, выступающих с позиций, соединяющих коммунистические и националистические взгляды. Внутри большевистской партии и около нее существовали силы, готовые использовать Коммунистический интернационал для проведения своих националистических устремлений. Представляют интерес сведения о том, что в гитлеровской Национал-социалистической партии до 20 процентов составляли бывшие члены Коммунистической партии Германии. Для них переход от коммунистических идей к националистическим, так же как для российских националистов – от националистического мировоззрения к коммунистическому, оказался не столь сложным. М. Агурский убедительно показал влияние националистических концепций на формирование основополагающих подходов в политике и практике сталинского руководства. Все эти обстоятельства делают чрезвычайно актуальным изучение истории сменовеховства, нововеховства, национал-большевизма и примыкающих к нему пореволюционных течений в нашей стране.

Монография состоит из трех частей. В первой части показаны в выдержках и проанализированы работы общественных деятелей, философов и писателей России первой трети XX в., чьи взгляды определены в исследованиях как национал-большевизм (сменовеховство). Многие документы вводятся в научный оборот впервые на основе последних научных изысканий в российских и зарубежных архивах. Подавляющее большинство работ Устрялова, например, не известно современному читателю¹. В комментариях к данной части документов использо-

---

¹ Исключение составляет сборник трудов основоположника и главного теоретика российского национал-большевизма

ваны материалы коллекции Н. В. Устрялова из архива Гуверовского института войны, мира и революции Стэнфордского университета (США).

Во второй части книги собраны и проанализированы взаимоотношения сменовеховцев с большевиками. Здесь впервые полностью или частично приводятся архивные документы, в которых раскрывается не только субсидальная, но и руководящая роль большевиков в деятельности сменовеховцев.

Третью часть исследования составляют сопоставления взглядов сменовеховцев и представителей левонационалистических течений, которых только условно можно назвать «национал-большевиками».

В комментариях и подборке текстов документов автор пытается оценить национал-большевизм и как общественно-философскую концепцию, и как политическое движение. Издание этой книги должно привлечь внимание прежде всего научно-исследовательской мысли на такое важное, но неисследованное явление общественно-политической жизни, как левонационалистические течения.

Не менее важно и ознакомление с этим материалом широкого круга читателей – как специалистов, философов, политологов, историков и других знатоков отечественной истории, так и учащихся старших классов, студентов вузов, преподавателей средней и высшей школы, всех, кто интересуется историей общественно-политической мысли России XX в.

*Профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук
А. В. Квакин*

Меняя вехи

К числу интересных и самобытных общественных явлений 1920-х годов в России и русском зарубежье относится сложное идейно-политическое течение, называемое по-разному: сменовеховство, нововеховство, национал-большевизм. И сегодня заметен интерес к идеям, высказанным восемь десятилетий тому назад сторонниками движения «Смена вех»²: А. В. Бобрищевым-Пушкиным, Г. Л. Кирдецовым, Ю. В. Ключниковым, И. Г. Лежневым, С. С. Лукьяновым, В. В. Львовым, Ю. Н. Потехиным, Н. В. Устряловым, С. С. Чахотиным и другими авторами, публиковавшимися в пражском сборнике и парижском журнале «Смена вех», берлинской газете «Накануне» и питерско-московском журнале «Россия» («Новая Россия»). При этом было принципиально важным то обстоятельство, что сами авторы сборника и журнала «Смена вех» были видными деятелями антибольшевистского лагеря: известный адвокат А. В. Бобрищев-Пушкин был товарищем председателя «Союза 17 октября», занимал важные посты в правительстве А. И. Деникина; профессор С. С. Лукьянов был одним из организаторов антибольшевистского восстания в Ярославле; известный деятель кадетской партии Ю. Н. Потехин работал у А. В. Колчака; профессор Н. А. Гредескул был членом ЦК партии конституционных демократов; профессор Ю. В. Ключников, видный кадет, был управляющим министерством иностранных дел в правительстве А. В. Колчака; профессор Н. В. Устрялов, известный кадет, возглавлял бюро печати Омского правительства; профессор С. С. Чахотин, кадет, возглавлял созданное летом 1918 г. «Осведомительное отделение» при верховном руководителе Добровольческой армии генерале М. В. Алексееве. Все они к концу Гражданской войны в России пересмотрели свой активный антибольшевизм, полагая, что если русский народ сделал выбор в пользу большевиков, то надо идти с народом.

В первой половине 1920-х годов это течение, призывавшее к принятию советской действительности с национально-возрожденческих позиций, получило широкое распространение как внутри Советской России, так и в российском зарубежье. Тогда ему предсказывали большое будущее и рассматривали его как реальную альтернативу красно-белого противостояния, как наиболее возможный вариант Третьего Пути развития Российского государства. За последние годы была проведена значительная публикаторская и исследовательская работа в изучении этого движения³. При этом длящийся еще с 1920-х годов спор о том, что собой представляло сменовеховство, далеко не завершен. Принципиально не решен даже вопрос о том, было ли сменовеховство инспирировано большевиками⁴, или большевики лишь воспользовались этим движением для разложения антибольшевистских сил⁵.

В момент зарождения сменовеховства в стране сложилась новая обстановка. Завершились основные сражения периода Гражданской войны. Первый большевистский вариант «социалистических преобразований» – «военный коммунизм» – провалился. Большевики были заняты поисками выхода из кризисной ситуации в рамках начала реализации провозглашенной «новой экономической политики». При этом сохраняется определенный революционный энтузиазм масс, надежды широких социальных слоев на создание новой России.

---

² Здесь и далее написание названий периодических изданий, партий, общественных организаций приведено в соответствие с современными нормами.

³ Квакин А. В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; Hardeman, Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

⁴ Alexandre Kvachonkine. Histoire d'une manipulation: Les Bolcheviks et le mouvement emigre «Changeement des Jalons» // Communisme. Paris, 1995, № 42/43/44.

⁵ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

Однако даже наличие финансовой подпитки не дало бы возможности организовать достаточно широкое общественно-политическое движение в Советской России и в российском зарубежье. Можно было бы выпустить на выделенные суммы сборник, наладить издание газеты или журнала, но в реальности речь шла о массовой поддержке идей «Смены вех», о наличии определенных корней и предшествующих идейно-политических течений, о стремлении белой эмиграции не допустить дальнейшего распространения сменовеховских идей. Именно об этом свидетельствуют многие документы. Так, лидер кадетов П. Н. Милюков в докладе на первом публичном заседании республиканско-демократического клуба в Праге 5 июня 1923 г., касаясь вопроса о необходимости выработки четкой линии в отношении «Смены вех», заявил: «...наше отношение к большевизму и к его проекции за границей – «сменовехизму», столь неудачно исполняющему свою миссию «разлагать эмиграцию», ясно. Оно отрицательное и боевое»⁶. А на заседании демократической группы партии народной свободы 14 ноября 1921 г. было принято решение призвать к энергичному отпору сменовеховцам, ибо иначе «в иностранных кругах создается впечатление, что эмиграция примиряется с большевиками»⁷. На объединенном совещании коллегии агитационно-пропагандистского отдела ВКП(б) 23 февраля 1922 г. представитель Пролеткульта Плетнев сообщил о наличии в Петрограде контрреволюционной правой группы против «Смены вех», ибо течение имеет значительное влияние⁸. В отчете Киевского центра действий о реакции на приезд берлинских сменовеховцев в Киев с осуждением отмечалось, что «приезжие джентльмены из «Смены вех» поют дифирамбы в честь «великой» Октябрьской революции и коммунистической интеллигенции», что находит поддержку в массах интеллигенции⁹. Лидер эсеров В. М. Чернов, говоря о сменовеховцах, с сарказмом отмечал: «Сколько раз пробовали эти люди «спасать Россию» от революции. И, наконец, им осталась одна, последняя надежда. Авось их, нас, народ, Россию, все и всех спасут большевики – своим вырождением», а это может быть понятно массам¹⁰. В «непериодическом издании» редактора-издателя доктора Д. С. Пасманика «Дневник контрреволюционера» (Париж) находим следующие рассуждения: «Что такое сменовеховство в настоящем смысле этого слова? По нашему мнению, оно означает: *лучше большевизм, чем нежелательный мне строй*. Лучше Ленин, чем, скажем, Марков или даже Струве, а для некоторых – чем Карташев или даже Милюков. Бывший «селянский» министр Чернов полагает, что уже лучше Ленин, чем Милюков. Того же мнения придерживался покойный Мартов. По существу ведь, настоящее сменовеховство искренне верит в метаморфозу Советской власти, в ее превращение в нечто лучшее, что, однако, не будет не только марковщиной, но даже милюковщиной или керенщиной. Отрицание сменовеховства состоит в следующем: *лучше что бы то ни было, лишь бы не большевизм*, то есть лишь бы сдвинуть Россию с мертвой точки. Левые и правые, лишь бы освободить Россию от большевистской петли»¹¹. А вот орган объединенных анархических организаций в Берлине называл сменовеховцев «прислужниками большевизма», пришедшими к советской власти для того, чтобы «приспособиться к фактической силе, стараясь это приспособление оправдать идейными соображениями»¹².

Не менее резкие оценки сменовеховства звучали и в большевистском лагере. Ю. Либединский вспоминал, что писатели-коммунисты называли сменовеховские идеи «новобуржуазными»¹³. На диспуте о пути интеллигенции в современной России 16 августа 1922 г. в Киеве

⁶ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 93.

⁷ Там же. Л. 98.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 141. Л. 18.

⁹ ГАРФ. Ф. 5784, Оп. 1. Д. 60. Л. 26.

¹⁰ Чернов В. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 9.

¹¹ Дневник контрреволюционера. 1923. № 2. С. 30–31.

¹² Анархический вестник. 1923. № 1. С. 58.

¹³ Либединский Ю. Современники. М., 1958. С. 33.

редактор газеты «Пролетарская правда» Костров отстаивал положение, согласно которому «сменовеховцы – авангард российской махровой контрреволюции». Он утверждал следующее: «Пусть сменовеховцы говорят здравые истины о признании Советской власти и Октябрьской революции. Эти истины смешны в нормальной советской обстановке и могут иметь лишь некоторое значение в сумасшедшем доме эмиграции. Однако за шелухой революционных фраз, шовинистического воспеания сменовеховцами военной мощи России и ее международной политики проглядывают иные, *более типичные* черты: – мало нэпа. Нужно перерождение Советской рабочей республики в буржуазную, демократическую, антипролетарскую. Это программа-максимум сменовеховцев – программа-максимум навыворот социалистических партий. Программа-минимум – стать на почву советской системы для борьбы с ее «уродливостями». Контрреволюция перестраивается по-новому. На почве нэпа идет упорная борьба пролетариата с буржуазией в экономической, политической и идеологических областях. Удержит ли пролетариат власть, или советская республика постепенно преобразуется в буржуазную? Единственно правильный сейчас путь контрреволюции на практике повседневной жизни способствовать такому преобразованию. Поэтому сменовеховство – единственно опасная часть контрреволюции»¹⁴.

Характерно, что идеи сборника «Смена веков», вышедшего в 1921 г. в Праге, сразу получили широкий резонанс в российском рассеянии. По воспоминаниям контр-адмирала С. Н. Тимирева, «развитию подобных мыслей, определенно ведущих к «сменовеховству», в высшей степени способствуют тяготы эмигрантской жизни, естественная тоска по Родине и наглая и лживая, хотя подчас и сладко звучащая, большевистская пропаганда «советского рая», ведомая их агентами за границей»¹⁵. Оценивая основные идеи сборника «Смена веков», М. П. Арцыбашев писал, что сменовеховцы, «формально оставаясь в антибольшевистском лагере, творят то же гнусное дело, перенося вопрос о примирении с большевиками с переоценки деятельности большевиков на переоценку отношения к ним»¹⁶. «Сменовеховцы старались оправдать большевиков. В этом была их грубая ошибка»¹⁷, – считал он. И в целом в белом стане преобладало резко негативное отношение к сменовеховству. Ф. Степун писал, что это течение было формой «контрреволюционного сознания», которая зарождалась как «ложная и лживая» и «представляла собою уже довольно отчетливую концепцию лакейски-конъюнктурного сменовеховства, естественно скомпрометированного перед лицом первопривычной эмиграции, как бы самый нерв контрреволюционного протеста против всякой «эмигрантщины»¹⁸. И во многом неслучайно то, что, например, на заседании парижской демократической группы партии народной свободы 14 ноября 1921 г. П. Н. Милюков и его ближайшее окружение называли сменовеховцев «небольшевиками» и «коммунистической агентурой»¹⁹.

А вот что писал об одном из идеологов «Смены веков» – Ю. В. Ключникове – В. М. Чернов в эмигрантской «Воле России»: «Господин Ключников исходит из идеологии старых «Вех» и преисполнен к ней величайшего почтения. Когда вышли те «Вехи», я отметил, что в них – квинтэссенция глубокого идейного *октябризма*. И «сменовеховцы» те же самые настоящие *октябристы* – только не при самодержавии, а при комиссародержавии. «Октябристы»... Получается некоторая игра слов. Об «октябризме» я говорю здесь, конечно, не в смысле проникновения духом Октябрьской революции. Сущность старого «октябризма» заключалась в том, что он все «петушком, петушком», подобно складной душе – Петру Ивановичу Добчин-

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 60. Л. 89.

¹⁵ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961. С. 151.

¹⁶ Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Степун Ф. Задачи эмиграции // Новый Град. Вып. 2. Париж, 1932. С. 23.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

скому – увивался за колесницей самодержавия. И его не допускали на облучок – разве на запятки... Ни о чем большем не могут мечтать и сменовеховцы»²⁰. О раболепстве перед правителями и холопском происхождении сменовехизма говорится и в другой статье эмигрантского еженедельника «Воля России»: «Я не хочу их обижать, но они нашли какую-то новую правду, но ведь и раньше они без особых «волнений» переходили из органов русской интеллигенции в «Русскую Волю»²¹, то есть в газету, основанную министром внутренних дел А. Д. Протопоповым. Во всех этих суждениях сквозит мысль о политической мимикрии идеологов нововеховства.

Характерно суждение М. П. Арцыбашева: «Открытое сменовеховство успеха не имеет. Слишком уж определена его подоплека, слишком пахнет от него советскими червонцами. Но давно известно, что в деле разложения противника большевики не имеют себе равных. На смену наивно-прямолинейным сменовеховцам, типа «Накануне», они немедленно выдвинули иных агентов, гораздо более тонких и неуловимых»²². Подобное отношение к сменовеховству сказывалось даже тогда, когда помещение заметки в изданиях данного идейного течения было достаточно для того, чтобы получить репутацию большевистского агента в эмигрантской среде²³. Однако тот же М. П. Арцыбашев высказывал определенные сомнения насчет «агентурной принадлежности» сменовеховцев: «Конечно, остается под большим вопросом, являются ли они прямыми агентами советской власти или только сами являют печальный пример путаницы понятий и неустойчивости принципов, вообще столь характерных для российской интеллигенции»²⁴.

Подобные сомнения в отношении сменовеховцев высказывал лидер энесов²⁵ А. В. Пешехонов в письме другому лидеру этой партии В. А. Мякотину 27–28 декабря 1922 г. из Риги. Сменовеховство он оценивал как «очень серьезное явление» и писал, что «нельзя, как мне кажется, всецело трактовать его как результат подкупа со стороны советской власти. Таким путем можно только отбросить всех, не удовлетворяющихся голым отрицанием советской власти, в объятия большевиков»²⁶. Правда, в 1981 г. М. С. Агурский опубликовал письмо питерского сменовеховца И. Г. Ложнева к харбинскому сменовеховцу Н. В. Устрялову от 15 октября 1923 г., в котором лидер российского сменовеховства прямо говорил о «субсидной зависимости» от большевиков их сменовеховского издания с самого начала его существования²⁷. Однако речь шла о журнале «Россия», выходящем в Петрограде. Позже были опубликованы и другие документы о финансовой поддержке большевиками различных видов деятельности группы «Смена вех». Большевики содействовали распространению идей сменовеховцев. Так, 30 сентября 1922 г. в Агитпропе были поставлены следующие задачи по распространению сменовеховских идей среди белоэмигрантов: «...ведение сменовеховской агитации, особенно там, где невозможна или затруднена коммунистическая пропаганда, оказание материальной помощи, издание центрального сменовеховского студенческого органа, расширение студенческого бюллетеня при «Накануне», снабжать библиотеки в эмиграции сменовеховскими изданиями»²⁸. Конечно, организация подобных мероприятий требовала серьезного финансирования, однако и это мы не можем принять в качестве определяющего момента для широкого распростране-

²⁰ Чернов В. М. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 8–9.

²¹ Зритель. «Россия осталась в России» // Воля России. 1922. № 3. С. 9.

²² Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

²³ Сергей Б-ой (Н. Алексеев). На службе у империализма (Англо-русский конфликт и белая эмиграция). М., 1923. С. 31.

²⁴ Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

²⁵ Члены партии народной свободы.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

²⁷ См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 5.

ния идей «Смены вех». В Советской России и российском зарубежье интеллигенция уже ждала идей, близких к сменовеховским, была готова к их восприятию.

Однако ознакомление с идеями сменовеховцев не оставляет серьезных оснований для категоричных оценок как белых, так и красных. Скорее всего, можно говорить о том, что сменовеховцы являлись выразителями идеи гражданского мира и Третьего Пути, уже существовавшей до выхода сборника «Смена вех» в широких слоях российской интеллигенции. Темы, выдвинутые сменовеховцами, активно обсуждались в советской и эмигрантской печати. Однако несовпадение идеологических установок и организационных рамок, расплывчатость внешних границ и противоречия между внутренними группировками этого сложного общественно-политического течения привели к тому, что движение, первоначально будоражившее умы в начале 1920-х годов, повсеместно рассыпалось к их концу, оказав существенное воздействие на целый ряд идеологических течений российского зарубежья. Лишь отдельным его представителям суждено было и позже сыграть заметную роль на авансцене советской и эмигрантской политической жизни.

Накануне смены вех

Идеи этого сложного общественно-политического движения 1920-х годов длительное время находились вне фокуса общественного внимания. Однако в конце 1980-х годов наблюдается мощная волна публикаций о сменовеховстве и его идеологах. Во многом этот всплеск интереса к данным историческим сюжетам объяснялся тем, что попытки «исправления отдельных ошибок», допущенных при «строительстве социализма», оказались безрезультатными на путях «ускорения, перестройки и преодоления застоя». Очищение «ленинского представления о социализме» от «политической накипи» послеленинского периода советской истории поставило под вопрос и некоторые фундаментальные положения самого Ленина. Но в то время казалось кощунственным говорить об ошибочности ленинских положений в широких кругах общества, в том числе и в среде пользующихся громадным авторитетом так называемых «шестидесятников».

Именно в этих условиях – как никогда ранее с 1920-х годов – актуальными оказались мысли и дела сторонников «Смены вех». Предложенная идеологами данного сложного общественно-политического течения критика пороков ортодоксального большевизма в сочетании с вживанием в советский режим на некоторое время стали казаться панацеей от тоталитаризма «диктатуры пролетариата». Российской интеллигенции конца 1980-х годов на время оказались близки и понятны поиски общественной альтернативы сменовеховской интеллигенцией 1920-х годов. Их идейные поиски, их исторические уроки оказали воздействие на разработку идей Третьего Пути современной отечественной интеллигенцией.

Нынешний анализ сменовеховства дает основания предположить, что подобные встречные течения, пытающиеся сочетать «почвеннические» и «западнические» идейно-политические тенденции в развитии России, имеют определенную периодичность. Возможно, именно поэтому адепты различных теорий Третьего Пути вынуждены постоянно отмежевываться от других сходных теорий. Конкретно же к сменовеховству в начале 1920-х годов по-разному шли и тянулись «и разные люди, и разные группы»²⁹. Уже современники отмечали, что «как симптом идейного брожения русской интеллигенции, сборник «Смена вех» и показателен, и интересен»³⁰.

Во многом сменовеховские идеи вытекали из результатов Гражданской войны в России. И мы не можем отрицать постепенной эволюции взглядов в среде российской интеллигенции, которая и привела, в том числе, к такому сложному идейно-политическому явлению, как «Смена вех».

Поиски общественного аттрактора, соединяющего идеологию белых и красных, после окончания Гражданской войны отечественная интеллигенция интенсивно вела и в Советской России, и в зарубежье. Истоки поисков Третьего Пути, по всей вероятности, следует искать в системе взглядов влиятельного политического течения, которое включало в себя так называемых «прогрессистов», по определению Ленина «национал-либералов», и правых кадетов³¹. По мнению одного из интереснейших исследователей сменовеховства М. С. Агурского, «если лидеры русского национал-либерализма ушли в сторону, напуганные размахом исторических событий, то Устрялов, да и не он один, развил то, что органически вытекало из идеологической и политической позиции этого течения. Возникло оно незадолго до I мировой войны, заняв промежуточную позицию между октябристами и конституционными демократами. Во главе

---

²⁹ Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитпропработы // Коммунистическая революция. 1922. № 8. С. 9.

³⁰ А. С. Изгоев о «Смене вех» // Воля России. 1922. № 9. С. 22.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 244–246.

его находились представители русской буржуазии – П. Н. Рябушинский и Александр И. Коновалов»³².

А современный исследователь Д. Сегал называет «предсменовеховской» линию петроградской газеты «Вечерняя звезда» еще в 1918 г.³³ Действительно, ведущие публицисты газеты проповедовали единство различных политических сил и критиковали антибольшевистский пафос всей послеоктябрьской интеллигентской публицистики³⁴. В «Вечерней звезде» постоянно сотрудничали В. Полонский, О. Манделштам, С. Есенин, Е. Замятин, Б. Кушнер, М. Левидов, Э. Герман, Н. Орешин, А. Лурье, Л. Рейснер, И. Бабель, А. Чапыгин.

Сходную идеологию проповедовала с 28 февраля 1919 г. берлинская газета «Голос России», когда ее редактором стал Г. Шумахер. В обращении к читателям сообщалось об изменениях в «кредо» газеты: «Она будет выходить не как орган какой-либо политической партии... и будет воплощать лишь идею русского единения. <...> Мы стоим за воссоединение экономических и политических сил России на демократической основе»³⁵. Позже, 14 марта 1919 г., здесь была опубликована редакционная статья «Будущность России» – о Парижской мирной конференции, на которой, по мнению редакции, должна быть определена «сущность истинно демократической программы переустройства России»³⁶. По мнению газеты, лозунг единения перешел из области чаяний в область практической работы. При этом редакция подчеркивала необходимость отстаивать «честь русского народа»: «Россия должна остаться свободной, целой и независимой»³⁷.

В отечественной историографии традиционно среди предсменовеховских организаций часто фигурирует группа «Мир и труд». Например, в коллективной монографии «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940» говорится: «Группа «Мир и труд», оформившаяся в 1919 г., и ее журнал «Жизнь» выступала за преодоление ненависти между белыми и красными, за «культурное примиренчество». Ее руководитель В. Б. Станкевич одним из первых в русской эмиграции понял трагичность и губительность разрыва духовной ткани русского общества в результате революции и гражданской войны»³⁸.

Иначе в свое время деятельность данной группы оценивалась в оперативных сводках контрразведки барона П. Н. Врангеля: «В. СТАНКЕВИЧ стоит во главе организации «Мир и труд». Основана эта организация в тот момент, когда советское правительство делало попытки установить с Западом дипломатические и торговые сношения. Станкевич выдавал себя то народным социалистом, то социалистом-революционером.

Возложенная московским правительством на организацию «Мир и труд» задача следующая: чтение лекций с целью изменения общественного мнения в пользу большевиков и с целью заставить изменить систему борьбы с большевиками.

Московское правительство возлагает очень большие надежды на В. Станкевича, а он обязался заставить общественное мнение отказаться от интервенции. Имеются определенные данные о получении Станкевичем через Финляндию денег от большевиков.

В такой же материальной зависимости от московского правительства находится и издаваемая в Берлине газета «Голос России», редактируемая неким ГОЛЬДБЕРГОМ.

³² Агурский М. Указ. соч. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

³³ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 3. С. 184.

³⁴ См.: Полонский В. Интеллигенция и революция: Из дневника // Вечерняя звезда. 1918. 11 марта.

³⁵ К нашим читателям // Голос России. 1919. 28 февраля.

³⁶ Голос России. 1919. 14 марта.

³⁷ Голос России. 1920. 2 сентября.

³⁸ Кулагина Г. М., Бочарова З. С. Идеино-политические аспекты возвращенчества (20-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1-я. М., 1994. С. 43.

Совместно с последним Станкевич организовал у себя на квартире агитационные курсы, причем помощником его в этом деле является быв[ший] комиссар 2-й армии Владимир ГОЛУБЦОВ, служивший ранее у Бермонта-Авалова.

Посещает курсы 12–15 офицеров. Кроме Гольдберга, Голубцова, участвует в этой организации Хая ГЕЛЛЕР – большевистский инструктор-агитатор»³⁹.

К сожалению, пока не представляется возможным дать объективную картину зарождения и деятельности группы «Мир и труд», даже подтвердить или опровергнуть финансовую поддержку большевиками усилий В. Б. Станкевича, составить полное представление о влиянии и характере деятельности данной группы. Доподлинно известно только то, что организация была создана в 1920 г., а последнее упоминание о ее деятельности относится к 1921 г. Однако на основании документов, хранящихся в двух архивных фондах, мы можем составить представление о программных установках и основных идеях этой эмигрантской организации.

В фонде Б. И. Николаевского в Гуверовском архиве войны, революции и мира (США) есть специальная папка (Box 211. Folder 211. 9.), где представлены 11 документов: устав организации «Мир и труд» (германская группа), основные положения организации «Мир и труд», От организации «Мир и труд» (проект воззвания), план сборника «Мир и труд» № 2, проект календаря (набросок составлен Станкевичем для военнопленных), история возникновения организации «Мир и труд», идейные основы организации «Мир и труд», План деятельности организации «Мир и труд», Проект и окончательный вариант воззвания «От организации «Мир и труд» о необходимости изменения методов борьбы, секретный проект и окончательный текст обращения «От редакции». Подавляющее большинство документов представляет собой первые машинописные экземпляры с многочисленными рукописными пометками редакционного характера. Почти все документы в верхнем левом углу первой страницы имеют рукописную приписку: «Автор – В. Б. Станкевич».

Во многом документы американского документального собрания дополняют известные документы из фондов Русского заграничного исторического архива в Праге в собрании Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-6142. 1 опись. 12 ед. хр. 1920–1921. Организация «Мир и труд»). Документы поступили в РЗИА в 1927-м и 1929 гг. от С. П. Мельгунова и в апреле 1933 г. от В. М. Кудрявцева. В ЦГАОР СССР фонд первоначально насчитывал 11 единиц хранения, позднее была присоединена 1 единица хранения из россыпи⁴⁰. В данном фонде представлены Устав организации «Мир и труд» (1920 г., машинопись), воззвание организации об изменении методов борьбы с Советской Россией (1921 г., типографский экземпляр), статьи о целях и задачах организации, о взаимоотношениях Советской России и Германии и по другим вопросам (1920 г., машинописный и типографский экземпляры), бюллетень организации «Мир и труд» с изложением целей организации (1920 г., машинопись), брошюра В. Станкевича «Fragen Sie zu lösen sind» без года издания, переписка с эмигрантами о присылке устава и бюллетеней организации, письмо 1920 г. из правления кооператива «Русская колония в Берлине» в организацию «Мир и труд» с приложением устава кооператива, счета и финансовые отчеты организации за 1920–1921 гг., список и адреса членов организации за 1920–1921 гг.

Комплексное рассмотрение документов из американской и российской коллекций позволяет оценить основные идеи и задачи организации безотносительно определения скрытых пока от исследователя тайных механизмов деятельности группы В. Б. Станкевича.

В документе № 6 причины и время зарождения организации определены следующим образом: «Настроения, легшие в основу организации «Мир и труд», стали впервые зарождаться в конце 1918 г., к окончанию мировой войны, завершившейся одновременно поражением двух

³⁹ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vrangeli collection. Box 110. Folder 110–20.

⁴⁰ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 69.

главных соперников: России и Германии. Неприглядные стороны разворачивавшейся в России гражданской войны неустанно питали подобные настроения, и уже в сентябре месяце 1919 г. группой русских офицеров, интернированных в Германии, были отчетливо сформулированы причины их отказа впредь участвовать в гражданской войне на чьей-либо стороне. Но лишь в начале 1920 г., к моменту подведения полных итогов великой войны, совпавшему с ликвидацией Колчака, Деникина, Юденича и Бермонта, эти настроения оформились окончательно, и в Берлине, в стороне от политических центров, где творилась русская заграничная политика, сорганизовался небольшой кружок единомышленников, решивших под знаменем «Мир и труд» вести борьбу с духовной разрухой, причиненной международной и гражданской войной»⁴¹.

На первых порах пришлось ограничиться выпуском в свет сперва рукописного, потом печатного воззвания за подписями В. Голубцова, И. Цельтнера и В. Станкевича. В печатном варианте воззвания перечислен комитет организации «Мир и труд»: председатель комитета В. Б. Станкевич, товарищ (заместитель) председателя В. В. Голубцов (редактор журнала «Жизнь»), члены комитета Г. Н. Брейтман (редактор газеты «Время»), А. Григорянц, Роман Гуль, присяжный поверенный Г. Л. Ландау, Г. Офросимов (Г. Росимов), Н. Падович, присяжный поверенный Н. Н. Переселенков, инженер И. Г. Цельтнер, М. Н. Шварц, С. Я. Шклявер (редактор газеты «Голос России»), профессор А. С. Яценко.

До опубликования воззвания к нему присоединились Александр Вольский (Варшава), Е. А. Ляцкий (Стокгольм), М. Смилга-Бенарио (Мюнхен), В. Горвиц-Самойлов (редактор газеты «Варшавское слово»), К. М. Вольницкий (Львов, редактор газеты «Прикарпатская Русь»). Обращает на себя внимание значительное число редакторов и деятелей различных эмигрантских изданий, что позволяет предположить наличие подобных взглядов у читателей данных печатных изданий.

Примером такого положения могут служить дошедшие до нас воспоминания В. Б. Станкевича о его выборе между фронтами в начале Гражданской войны: «Все фронты составляют лишь осколки прежнего целого, обломки единой политической правды. На каждом из них имеются лично знакомые люди, которым и верю не менее чем самому себе, и которые теперь искренне и честно думают, что благо народа и даже человечества зависит именно от победы их линии поведения. Куда же мне пойти? К Деникину, представителю военно-национальной идеи, с которым шла работа в течение всей войны, и вместе с большинством моих друзей бороться с большевиками за то, что они исказили идеи революции? Или к литовцам, т. к. я по происхождению литовец, и вместе с друзьями отстаивать независимость Литвы? Или пойти к украинцам, на чьей гостеприимной территории я находился и которые тоже бились с большевиками? Или к донцам, по знакомству с Красновым, который примет прежнего комиссара гостеприимнее, чем непреклонный Деникин? Или к грузинам, которые отстаивают близкие мне идеи самоопределения народов и где работают бывшие соратники Церетели и Вайтинский? Или к Колчаку и Дитерихсу, торжественно подвигающимся к Волге? Или к их противникам в Сибири, которые не могут простить ему разгон Директории, изгнание из России моих друзей? Или к полякам – ведь мой родной язык польский? Или в Одессу, где были французы, военным гением которых я всегда восхищался? Или в Архангельск к англичанам, первенство культуры которых я всегда признавал и гегемонию в мире давно предчувствовал и ожидал? Или к немцам – ведь я в начале войны собирался защищать их, если война закончится разгромом не их милитаристского правительства, а самого народа? Или, наконец, к большевикам – ведь они остатки русской свободы и революции, у них был бы предоставлен наибольший простор, и даже в военной среде там я нашел бы людей, к которым отношусь с полным уважением...»⁴²

⁴¹ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Box 211. Folder 211. 9.

⁴² Станкевич В. Б. Воспоминания (1914–1919 гг.). Берлин, 1920. С. 351.

При анализе миротрудовского документального наследия выделяется три основополагающих компонента идеологии данной организации: **декларативный пацифизм, непоследовательная аполитичность и возвращенчество на родину.**

Пацифизм как основа идеологии организации определяется, скорее всего, ее первоначальной социальной базой, а именно – русскими военнопленными, интернированными в Германии. Для них прекращение всех военных действий и скорейшее возвращение на родину были самыми сильными желаниями. Объективно в их пацифизме были заинтересованы как германские власти, так и большевики, не желавшие участия военнопленных в военных действиях на стороне антибольшевистских сил.

Аполитичность, провозглашаемая организацией «Мир и труд», была очень выгодна в тех условиях, когда прежние политические партии в антибольшевистском общественно-политическом лагере потерпели поражение в Гражданской войне в России, а большевизм был неприемлем для многих русских военнопленных, интернированных в Германии. Декларируя аполитичность, можно было легко огульно критиковать всех политиков, играя на примитивных струнах массового общественного сознания русских военнопленных. Объективно подобная критика должна была изолировать сторонников миротрудовских идей от влияния всевозможных эмигрантских политических партий и организаций, что опять было на руку советской власти. При этом критические высказывания в адрес большевиков звучали в далекой Германии, а потому не носили принципиального характера и не могли быть опасны для коммунистов. Кроме того, аполитичность организации «Мир и труд» была непоследовательной: критика политиков Запада и антисоветского лагеря была развернутой, а критические замечания в адрес советского руководства касались лишь отдельных, наиболее известных, но не принципиальных пороков политики большевиков.

Возвращенчество также было выгодно германским властям, желавшим избавиться от осколков Русской армии на своей территории. При условии восприятия военнопленными миротрудовских идей аполитичности и пацифизма была серьезная надежда на то, что после возвращения на родину бывшие русские военнопленные, интернированные в Германии, откажутся от участия в дальнейших военных действиях. В тех условиях возвращенчество было выгодно и советской власти, которая хотела не допустить участия военнопленных в дальнейших военных действиях на стороне белых и добивалась привлечения их на свою сторону.

Под редакцией В. Голубцова и В. Станкевича в издательстве «Жизнь» (Г. А. Гольдберг) с апреля по октябрь 1920 г. выходил «Вестник мира и труда» – журнал «Жизнь»⁴³. В обращении редакции к читателям в № 1 говорилось: «В годовщину первых дней Великой Русской революции выходит наш журнал, и годовщине этой должны быть посвящены первые мысли и первые наши слова... Период опустошения и разрушения близок к концу <...> с каждым днем ярче предчувствуем мы приближение творческого периода русской революции, который несомненно наступит, какой бы политической вывеской ни прикрывалась власть... Посильному собиранию сил для этой творческой созидательной работы посвящен наш журнал»⁴⁴.

Самым слабым звеном в идеологии организации «Мир и труд» являлась программа построения будущего общества. Здесь, например, присутствуют бесплодные мечтания о построении будущей России на основе содружества наций бывшей Российской империи. Не случайно И. В. Гессен назвал группу «первой политически окрашенной ячейкой, которую если не по намерениям инициатора, то объективно можно считать прототипом, лучше сказать – предвестником большевизанства»⁴⁵.

⁴³ Подробнее см.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 139–141.

⁴⁴ Жизнь (Берлин). 1920. № 1. С. 1.

⁴⁵ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 34.

Но если у берлинской группы «Мир и труд», обычно считающейся предтечей сменовеховства⁴⁶, можно было видеть лишь призывы и декларации, то сборник «Смена вех» и последовавшие за ним издания отражали уже хорошо продуманную и научно обоснованную «профессорскую» концепцию Третьего Пути.

---

⁴⁶ А. С. Яценко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина // Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. P. 14.

Ключников и эволюция кадетов

В архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета содержится немало интересных документов, проливающих свет на историю сменовеховства. Среди них выделяются протоколы заседаний парижского комитета партии народной свободы – *Konstituisionno-demokraticeskaja Partia*, Box 1–3⁴⁷. Значительная, хотя далеко не полная часть этих протоколов совпадает с их копиями, хранящимися в пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации и изданными за последние годы⁴⁸. На основе данных документов можно проследить эволюцию взглядов одного из интереснейших представителей сменовеховства – профессора-правоведа Ю. В. Ключникова. В 1919 г. он уехал из белой Сибири, где входил в состав правительства А. В. Колчака в качестве управляющего министерством иностранных дел, за границу. Входил в эмиграции в состав парижского комитета партии кадетов⁴⁹.

Впервые его фамилия упоминается в Протоколе № 3 заседания парижского комитета партии народной свободы 17 мая 1920 г. На этом заседании обсуждались резолюция П. Н. Милюкова о переходе кадетов к «новой тактике» и контррезолюция Д. С. Пасманика о задачах кадетов после падения армий Колчака и Деникина. На общем фоне выделяется выступление Ю. В. Ключникова, который констатировал, что «оба проекта одинаково говорят и о желании воевать во что бы то ни стало, и о сохранении традиций. Между тем сейчас вопрос стоит совсем иначе. Не в том дело, что были допущены отдельные ошибки, что были и есть отдельные неподходящие лица, а в том, что после поражения Колчака и Деникина в европейском общественном мнении наступил перелом. Утвердилась точка зрения, что в России вооруженная борьба в большом масштабе прекратилась. И действительно, силы Врангеля по сравнению с силами Колчака и Деникина ничтожны, и если первым с их силами не удалось справиться со всеобщей деморализацией, то каковы новые данные Врангеля, которые позволят ему с нею справиться? Сейчас выдвигают Польшу, скрывшись за ее спиной, и бросят эту Польшу, когда им заблагорассудится. Врангель с его ничтожными силами может существовать в данный момент лишь благодаря попустительству большевиков и союзников, а также благодаря возможности соглашения с Польшей»⁵⁰.

Далее Ключников предостерегал собравшихся от возможности совершения роковых ошибок: «Мы переживаем роковой момент, – толкая Врангеля, мы пускаем на Москву поляков, и должен будет наступить час, когда между ними произойдет столкновение. Тогда перед союзниками встанет вопрос, кого из них принести в жертву другому. И, конечно, они принесут в жертву Врангеля, ибо с Польшей потом им легче будет справиться, чем с Россией. Вот почему сейчас большевики, борясь с поляками, защищают интересы России. И когда перед нами ставится вопрос – с кем быть, с большевистской Россией или с Польшей, мы должны ответить, что мы с Россией, хотя бы и большевистской. Поддерживая же Врангеля, мы будем поддерживать поляков. Кроме того, военные действия увеличивают в России анархию. И если нами при нынешнем положении вещей удастся свергнуть большевистский режим, который как-никак является единственной властью, успевшей пустить хоть некоторые корни в стране, будет еще хуже, ибо тогда в стране не будет никакой власти. Поэтому необходимо отказаться от воору-

⁴⁷ Здесь и далее при ссылках на архив Гуверовского института сохраняется написание документов, принятое в архиве.

⁴⁸ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1995–1998.

⁴⁹ Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 295.

⁵⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. *Konstituisionno-demokraticeskaja Partia*. Box 2. Folder 2. 17.

женной борьбы. Что же касается вопроса о соглашении с большевиками, то это вопрос будущего. Теперь же мы должны лишь заявить большевикам, что мы прекращаем борьбу с ними и возвращаемся в Россию для культурной работы. Возрождение России начнется лишь тогда, когда большевики поймут кадетов и кадеты большевиков. Тогда мы будем иметь на своей стороне трудящиеся массы всего мира. Итак, мы должны заявить лишь одно, а именно, что мы отказываемся от продолжения гражданской войны»⁵¹. Практически в этом выступлении Ключников как государственник провозгласил основные идеи той идеологии, которая на следующий год по названию сборника станет именоваться «сменовеховством». Но на данном заседании идеи Ключникова не воспринимались как самостоятельные, а рассматривались в контексте «новой тактики», предложенной тогда же П. Н. Милюковым. Возможно, поэтому в протоколе отмечены возражения идеям Милюкова, а не мыслям Ключникова.

А на следующем заседании парижского комитета партии народной свободы 1 июня 1920 г. (протокол № 8) противопоставление Ключникова другим собравшимся уже достаточно заметно. Предлагается выступить с протестом против признания советской власти державами Запада. На это Ключников отвечает так: «Чего мы достигнем своим протестом? А между тем провал Красина принесет вред России». И далее Ключников предлагает, чтобы высказаться за то, что «нужны земледельческие орудия в России и прочее»⁵².

В этом же духе выдержано выступление Ключникова на заседании парижского комитета партии народной свободы 7 июня 1920 г. (протокол № 9). Он задает вопрос: «Верно ли, что сейчас для России самое страшное зло – большевики? После свержения большевиков наступит анархия, которая будет еще хуже большевизма. Если же большевики сгинут, то не полякам их разбить, а тем временем разрушаются остатки материальной культуры России и гибнет бесцельно масса ценных жизней. Польской программой может быть только расчленение России, и в этом отношении Польша воплощает чужие задачи»⁵³. Как юрист-международник Ключников пытается первым среди коллег по Конституционно-демократической партии указать на переход к новому международно-правовому статусу Российского государства. «Мы, – говорит Ключников, – стоим перед колоссальным рубежом. Антанта ведет переговоры с большевиками и накануне признания их правительства. В этих переговорах Антанта играет польским оружием, как большевики Персией. А мы, ограничив задачу Крымом, действуем в чужую руку»⁵⁴.

Этим духом проникнуты выступления Ключникова на ряде других заседаний кадетской партии. Так, обсуждается вопрос об отношении к советско-польской войне (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы от 26 июля 1920 г.). Ю. В. Ключников спрашивает: «...если неизвестно было, с кем боролись поляки, то с кем мы боремся – с большевиками или с Россией? Разваливается весь мир, а мы разговариваем о резолюции, и каждый раз опаздываем, каждый раз только регистрируем уже совершившиеся факты.

Нужно констатировать, везде антибольшевистские силы потерпели крушение в одинаковой форме. В этом есть какая-то роковая неизбежность. Поэтому мы должны:

1. Перестать быть мелочными и оставить надежды на Врангеля.
2. Признать себя в смысле военном побежденными, и
3. Подождать с какими бы то ни было выступлениями»⁵⁵.

⁵¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokratischskaja Partia.Box 3. Folder 2. 17.

⁵² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

Диссонансом прозвучало выступление Ключникова и при обсуждении вопроса о сплочении антисоветских сил на базе создания национального комитета (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы от 23 ноября 1920 г.). Он считал, «что вопрос неясен и в смысле дипломатических отношений, и в отношении к Врангелю, продолжающему оставаться Главкомандующим. Это отношение должно быть исчерпывающе определено. Либо мы хотим взять власть преемственно от Врангеля, либо будем ее брать, игнорируя Врангеля. Я не мыслю себе Национальный] Комитет без всей полноты власти. Таким образом, надо сговариваться и с с[оциалистами] – р[еволюционерами], и с Врангелем»⁵⁶.

По мнению Ключникова, вопрос о создании национального комитета был чрезвычайно сложным, ибо он «касается того метода, который должен быть применен к делу организации Национального] Ком[итета]. Так как ставят этот вопрос кн. Львов и М. М. Винавер, создавать Нац[иональный] Ком[итет] невозможно, он обречен на полный неуспех. Казалось бы необходимым созвать какие-то съезды и создавать Национальный] Ком[итет], лишь действительно справившись (?) у общественного мнения. Не думаю, чтобы это мнение было едино. Я не верю в Нац[иональный] Ком[итет] и знаю, что из него ничего не выйдет. Раз нет фактически общественного объединения, то нельзя его создавать искусственно»⁵⁷. Для Ключникова представлялось нереальным создание национального комитета из разнородных антибольшевистских сил на старых подходах времен Гражданской войны. Он предлагал переосмыслить накопленный опыт и четко определить новое лицо российского либерализма в послевоенных условиях.

К концу 1920 г. профессор Ю. В. Ключников более решительно ставит вопрос о необходимости существенного изменения позиций кадетской партии с учетом победы большевиков и поражения белых сил. Так, в протоколе заседания парижского комитета партии народной свободы 2 декабря 1920 г. зафиксировано следующее выступление Ю. В. Ключникова: «Совершенно необходимо поставить вопрос о переоценке наших позиций. Но мне чувствуется, что в этом вопросе появятся разногласия, чуть ли не у каждого члена партии. До сих пор мы шли по линии наименьшего сопротивления, не выявляя нашего лица. Такой путь завел нас в тупик. Необходимо теперь переработать общую программу и дать себе отчет, какое социальное место мы ныне занимаем. Переходя к вопросу о переговорах с с[оциалистами]-р[еволюционерами], считаю, что эти переговоры есть отвлечение нашего времени и нашей энергии на второстепенную задачу. Но все-таки в них есть весьма существенный момент – это вопрос об армии. Его нужно теперь решить. По отношению к дипломатическому корпусу я согласен с точкой зрения П. Н. [Милюкова]. Однако все это задачи дня, главная же задача – выявить новую сущность кадетизма, как подготовку для занятия нового социального места в будущей России»⁵⁸.

На следующий день (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы 3 декабря 1920 г.) Ю. В. Ключников продолжает отстаивать эту же мысль: «Беда конституционных] д[емократов] не в том, что они наделали ошибок, а в том, что нет никакого антибольшевизма. Вопрос нужно свести не к выработке методов, а к оценке антибольшевистских сил. Мы не учитываем большевизма, как мировую силу. У большевиков была историческая и политическая правда. Они учли массу, выброшенную на волну революции, и знают, как ее вести. Мы отстали от жизни и не хотим с нею считаться, иначе мы должны были бы признать, что с момента одновременного провала белых фронтов сознание русской народной массы изменилось. Теперь она Красную армию рассматривает как свою армию, как свою силу. Большевистская революция победила, и с нею теперь нельзя бороться двумя-тремя генералами. Можно

⁵⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Box 3. Folder 3. 1.

⁵⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 2.

было бы бороться только консолидацией мировых сил. Однако Лига Наций провалилась, а такая консолидация неосуществима. Потому следует наметить иной путь, и путь этот вытекает из следующего положения: большевизм падет, как только перестанет встречать внешнее сопротивление; он держится исключительно разрухой и рассыплется, как только наступит улучшение внутренней жизни страны. То, что я здесь прослушал, – это проекты большевизма наизнанку. Наши новые методы должны вытекать из переоценки не нашего опыта, а мировой обстановки»⁵⁹.

На заседании парижского комитета партии народной свободы (протокол от 9 декабря 1920 г.) обсуждался вопрос о переговорах с эсерами об объединении для борьбы с большевиками. Здесь Ключников высказал следующую точку зрения: «Тактически нельзя отклонять эсеровского предложения. Раз мы ходили к членам ГосДумы и Госсовета, то должны идти и к членам Учредительного собрания. Но вряд ли можно полагать, Учредительное собрание действительно может создать Национальный Комитет. Надо посмотреть, насколько такой путь целесообразен»⁶⁰. При этом Ключников подчеркивает: «Приходится констатировать, что рушится последняя надежда создать Н[ациональный] К[омитет], и если с[оциалисты]-р[еволюционеры] стоят на прежней позиции Черновского Учредительного Собрания, то мы принять этой позиции не можем. Уфимский опыт доказал, что такая комбинация ничего не даст. Тогда какую цель могут иметь разговоры с с[оциалистами]-р[еволюционерами]? Они теряют целесообразность. С[оциалисты] – р[еволюционеры] потому за нас держатся, что сами не имеют силы. Если соединиться с ними, не получится никакого толка, а один вред. Мы потратим зря и время, и силы. Единственный выход – оставить эти попытки и поискать выхода, отдавшись внутренней работе»⁶¹. Характерно, что Ключников пытается объективно оценить политическое влияние и кадетов, и эсеров на политическую жизнь в России и приходит к выводу: и те и другие «не имеют силы». В этих условиях достаточно разумным представляется его предложение отказаться от объединения двух не имеющих силы политических осколков в национальный комитет, ибо «потратим зря и время, и силы», а заняться переосмыслением места и роли российского либерализма в новых политических условиях.

16 декабря 1920 г. на заседании было заслушаны сведения об эвакуации Белой армии в Константинополь. В протоколе отмечается, что «в эвакуируемой армии происходит уже не разложение, а отчуждение от Главкомандующего. На фоне этого усиливающегося и склонного развиваться разложения небольшие группы здорового офицерства самоорганизуются с целью самосохранения кадров для будущей борьбы. Однако в армейской массе ощущается растущее уныние, возникающее из впечатления, что с крушением крымского фронта, последнего эпизода борьбы с большевиками, больше нет нигде этой борьбы и фактически не наблюдается признаков ее возобновления усилиями русских антибольшевистских сил, находящихся за границей. Это уныние используется большевистскими агентами, уже распускающими в отдельных частях армии слухи о якобы существующих в русских заграничных кругах примиренческих настроениях. Такие слухи способствовали разложению таких групп армии, которые уже охвачены унынием и чувством безнадежности и могут иметь более широкое распространение и действие в силу целого ряда чисто объективных обстоятельств.

Необходимо поэтому лишний раз в прямом обращении от имени политических и общественных групп решительно подчеркнуть, что не может быть примиренчества с большевизмом и что борьба будет продолжаться до конца. Нужно, чтобы такое обращение было сделано

⁵⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 3.

⁶⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁶¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

и от имени комитета»⁶². В этом духе был предложен проект «Записки». На данный проект Ю. В. Ключников реагирует следующим образом: «В «Записке» злоба дня слишком затемняет наши планы на будущее. На ней основывается поворот нашей тактики, но мы не спрашиваем себя, что выйдет из такого поворота в дальнейшем. Нам нужно тверже выяснить, что принесет нам намеченная нами тактика в будущем»⁶³. Данная короткая реплика Ключникова достаточно ясно показывает, что он не намерен осуждать примиренческие настроения в среде эмигрантов, ибо через данные настроения пытается осмыслить новую тактику российских либералов.

Снова вопрос о выработке новой тактики кадетами Ключников достаточно жестко ставит на заседании парижского комитета партии народной свободы 4 января 1921 г. Выступавший на этом заседании И. П. Демидов заявил: «Мы говорим о Нац[иональном] Ком[итете] и смотрели на Совещание членов Уч[редительного] Собр[ания] – как на платформу для встречи и разговоров. Я продолжаю оставаться на этой же позиции, и, каково бы ни было название создающегося органа, за ним не могут быть сохранены рамки Уч[редительного] Собр[ания]. Антураж же Совещания подводится к воскрешению Уч[редительного] Собр[ания], как такового в наличных его представителях. Если вопрос об организации встает в такой постановке – здесь конечный пункт и Комитет не может дальше идти. Во всяком случае, не спросив Группу»⁶⁴.

Ю. В. Ключников согласен с И. П. Демидовым, и считает, что «мы стоим накануне новой неудачи. Крах Нац[ионального] К[омите]та неизбежен. Но мы не только потому не должны <...> в намечаемую комбинацию, а потому, что мы должны стремиться, чтобы самая идея Уч[редительного] Собр[ания] не была окончательно скомпрометирована комической сущностью подготовляемого факта. Встает новая опасность для кадетизма. Надо всячески сохранить свое лицо и поскорее развязаться с этой историей»⁶⁵. По сути дела, Ключников призывает коллег по партии отказаться от прежних, скомпрометированных идей и перейти к поиску новых продуктивных решений на основе исторических реалий.

Ю. В. Ключников проводит эту мысль и на заседании парижского комитета партии народной свободы 6 января 1921 г.: «Соглашение с с[оциалистами]-р[еволюционерами] есть не «лево», а топтание на месте. «Лево» и «право» есть понятия относительные, и ныне весьма перемещены, а потому из этой плоскости надо перенести в деловую плоскость. В лице с[оциалистов]-р[еволюционеров] мы никого не приобретаем, и есть ли достаточно оснований безоговорочно протягивать им руку. Вопрос о представительном органе изменился чрезвычайно, – мы отказываемся уже и от Н[ационального] К[омитета], и от коалиции. Эсерам это дает очень много, а мы теряем свое лицо»⁶⁶. Ключников был уверен, что объединение эсеров и кадетов на старых позициях не даст продуктивных результатов, а только ослабит кадетизм. Потеря русскими либералами своего собственного лица, по мнению Ключникова, представляет угрозу. А потому необходимо отказаться от данной пустой затеи объединения с эсерами на старых позициях времен Гражданской войны и перейти к конструктивной идее работы в самой России с обновленной либеральной программой с учетом объективных изменений.

Позже, на заседании парижского комитета партии народной свободы 20 января 1921 г., Ю. В. Ключников снова подчеркивает, что «партия делает ошибку за ошибкой. Нам надо смотреть не на с[оциалистов] – р[еволюционеров], а на Россию. Готовящееся нами единство мерт-

⁶² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 6.

⁶³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 7.

⁶⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 8.

⁶⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

⁶⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 10.

венно и не может иметь будущего. Нам нужно в нашем собственном лице устремиться в Россию и там работать»⁶⁷. Таким образом, Ключников совершенно четко зафиксировал альтернативу развития кадетской партии: или с эсерами и другими эмигрантскими организациями на старых гибельных позициях, или в России при совместной работе с советской властью для трансформации ее на основе новых либеральных представлений.

Следующее заседание 9 февраля 1921 г. проходило без участия Ю. В. Ключникова, но именно в это время в Праге вышел сборник статей «Смена вех», а поэтому сменовеховцы незримо присутствовали на заседании. Примечательно, что даже в тех выступлениях, где прямо не упоминались авторы сборника «Смена вех», шел скрытый или открытый диалог с его идеями. Так, А. В. Карташев подчеркнул, что «переход от вооруженной борьбы к идейной борьбе с большевиками... логически... приведет к тому соглашательству с ними (не идейному, понятно), глашатаями и инициаторами которого являются Ключников, Устрялов и другие»⁶⁸. В заключительном слове на этом заседании П. Н. Милюков возражал А. В. Карташеву, указывая на то, что карташевская конструкция, представляющая «всю русскую интеллигенцию безгосударственной и только на короткий, якобы, срок вставшей на почву государственности, неправильна в своей основе, ибо не обняла все эпохи русской государственной мысли – либерального направления. Между тем либеральная интеллигенция уже давно начала проникаться элементами государственности, в течение ряда поколений вела борьбу с безгосударственным самодержавием (с его вотчинным – антигосударственным пониманием) и являлась не только носительницей подлинных государственных идей, но и уже давно воплощала их в жизнь (реформы Александра II). Сама революция есть такое торжество русской государственности, и лишь дальнейший ненормальный ее ход выдвинул негосударственные элементы. От белых же генералов отталкиваемся мы вовсе не потому, что, как думает А. В. Карташев, душа наша возмущена и не принимает их, ибо мы готовы были поддерживать и реакционных генералов и допускали временную реакцию, а потому, что ряд уже проделанных с ними опытов ясно показал, что этим способом по существу нельзя восстановить государства. Все эти опыты, происходившие в наиболее благоприятной обстановке, оказались неудачными, и возобновлять теперь опыт из Константинополя есть детская забава, ибо это заведомо проигранное дело – безнадежное и бесполезное. Неслучайны же, в самом деле, были все эти уроки краха, и уже достаточно ясно выявилась неприемлемость этих попыток для народа. Три года провалов показали, что и революция произошла неслучайно, что выдвинулся вперед русский народ, который молчал и не помогал ни тем, ни другим, ибо за годы революции он страшно вырос и теперь уже не тот, каким был раньше. Большевики живут уже 3 года, когда мы думали, что они существуют лишь недели и месяцы»⁶⁹. По сути дела, Милюков защищал не столько позицию сменовеховцев, сколько пытался обосновать необходимость поддержки сдвига кадетской партии в сторону его «новой тактики». Но одновременно он невольно был вынужден сопоставлять свой политический «сдвиг» с политическими пересмотрами позиций у сменовеховцев: «У Устрялова мысли не случайные, но наш сдвиг не так далек, как его, и наши союзники – эсеры объявили упорную борьбу с большевиками. Прогноз с[оциалистов] – р[еволюционеров] оказался вернее нашего, и они правильнее учитывали настроение масс. Жизнь сожгла многое, что уже не возобновится, и кто знает, что, наоборот, было бы, если бы в самом начале генералы усмирили большевиков – не ушли бы мы тогда далеко назад? Может быть, и наша революция, как и французская, должна сама себя изжить. Не приняв наших попыток освобождения, рус-

⁶⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

⁶⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

⁶⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

ский народ показал, что не мы, а он сам сделал революцию. Этим и объясняется наш поворот: мы с почтением отступаем перед этим потоком – перед этим историческим процессом. Да, говорим мы, мы ошиблись, когда думали освободить его белыми фронтами»⁷⁰. Анализ данного небольшого выступления дает возможность увидеть много общего в позиции П. Н. Милюкова и авторов сборника «Смена вех», особенно Н. В. Устрялова: отказ от гражданской войны как способа решения общественно-политических проблем, надежда на то, что русская большевистская революция изживет себя, признание необходимости изменения в тактике партии с учетом настроений русского народа, но при этом сохранялась оговорка о том, что сдвиг кадетов не должен быть таким глубоким, как у «сменовеховцев».

17 февраля 1921 г. на заседании парижского комитета партии народной свободы был заслушан доклад Ю. В. Ключникова «Новые задачи кадетизма». К протоколу приложены тезисы доклада, написанные рукой автора. В тексте выделены следующие положения:

«1. Мы слишком заняты очередными делами и не делаем общей оценки общей политической ситуации.

2. Только такая оценка укажет, каково теперь должно быть социальное место кадетизма. А не зная своего нового социального места, к[онституционные] д[емократы] не могут принимать правильных тактических решений.

3. «Новое социальное место» кадетизма отнюдь не есть отказ от кадетизма. Напротив, вопрос таков: чего требует от к[онституционных] д[емократов] политическая сущность кадетизма в современной обстановке.

4. Кадетизм как либерализм.

5. Либерализм как один из общих типов политического творчества (служение политическому прогрессу – без разрыва с прошлым; эволюционные методы: правовой идеал).

6. Либерализм во время революций (все зависит от идеалов и от достижений революций).

7. Значит, все дело в вопросе: к чему пришла русская революция и каковы окончательные изменения, внесенные ею в русскую жизнь.

Одно, – если мы считаем, что русская революция ничего особенного не сделала – тогда можно не искать новых путей. Другое, – если мы признаем, что коренные изменения в русской жизни произошли. Третье, – если изменения произошли и в мировой жизни.

8. Русская революция не только 27-го февраля 1917, но и окт[ября] 1918 г. и особенно ноябрь 1920 г. Итак, требуется серьезная оценка большевизма.

9. Корни и сила большевизма: а.) в русском прошлом, б.) в истории русской революционной мысли, в.) в ошибках революций до октября 1918 г., г.) в свойствах антибольшевизма, д.) в мировой войне и е.) в современной мировой обстановке.

10. Политическая и социальная программы большевизма; условия их торжества и провала. Торжество – при условии мировой революции; провал, – если удастся немедленное «восстановление» России в антибольшевистском стиле; эволюция большевизма при постепенном улучшении мирового положения – в контакте с большевизмом в стиле Ллойда Джорджа.

11. Борясь с большевизмом без малейших данных, мы лишь усиливали бы большевизм.

12. Необходим отказ от вооруженной борьбы.

13. Сила кадетизма – сила русской интеллигенции. Она достаточно велика при условии умения сказать самостоятельное слово: признание факта большевистской России и не препятствование большевикам при известных условиях»⁷¹.

Принципиальное значение данного доклада на заседании парижского комитета партии народной свободы 17 февраля 1921 г. и его обсуждение требуют их полного воспроизведе-

⁷⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

ния по протоколу⁷²: «Докладчик начинает с заявления, что он хотел бы сделать свой доклад в Группе и потому ограничивается сейчас лишь изложением своих основных положений. Опыт революции, говорит он, показал нам, что к[онституционно]-д[емократическая] партия в течение последних лет стояла на неверном пути, и если она пойдет по нему далее, то и впредь неизбежны те ошибки и неудачи, какие имели место в прошлом, чтобы избежать их, необходимо вернуть партию к ее прежней исходной психологии. Эти ошибки следующие: в начале революции мы не поняли, не оценили того обстоятельства, что воевать больше Россия не в состоянии, не сделали из этого своевременно соответствующих выводов и дали этот козырь в руки большевиков; далее, мы упорно стояли за интервенцию, которая не могла осуществиться, за военную диктатуру, не оправдавшую возлагавшихся на нее надежд, и, наконец, сейчас хватаемся за коалицию с социалистами, которая даже в лучшем случае не приведет также ни к каким положительным результатам. Мы ведь всегда думали, делая новый опыт, что впредь ошибаться не будем, и каждый раз, однако, приходили к неудаче. Причины этих неудач в прошлом кроются в том, что, во-первых, мы исходили в своих тактических построениях из злобы дня, т. е. из предпосылок, слишком малых по сравнению с мировыми событиями, а во-вторых, обычно шли по линии наименьшего сопротивления, сильных шагов избегали и всегда проявляли максимум осторожности, подсказываемой данным моментом, в результате оказываясь самой неосторожной партией. Большевики действовали совершенно иначе, все время базируясь на новых международных условиях – на новой мировой конъюнктуре – и учитывая, как преходящие детали, явления сегодняшнего дня, и потому оказались победителями в борьбе. В будущем нас, благодаря нашей неверной тактике, ждет новая неудача: намечается раскол партии, уход вправо и влево, далеко от центра, обоих ее флангов, что приведет к распылению интеллигентских сил. Между тем сейчас в мире все так перепутано и перетасовано, что даже сравнительно малые, но организованные силы торжествуют, как это мы видим на примере большевиков, и силы кадетизма, если бы он шел правильно, было бы достаточно для оказания большого исторического действия. Мы же теперь тратим массу энергии и нервов на преходящие явления, изнашиваемся и теряем силы, необходимые для будущего творчества. Мы до сего времени сосредоточивали всю свою волю, все внимание на борьбе с большевизмом и брали последний в каком-то упрощенном виде, говоря, что это кучка бандитов, разбойников, негодяев и ничего больше. В действительности же большевизм оказался гораздо сильнее и по существу, и по форме, чем мы его себе представляли, и живет вот уже три года.

Далее, в своей тактике мы постепенно усваивали все отрицательные стороны большевизма. Большевики начали как, в самом деле, кучка бандитов, сами не веря в свой успех, и пришли к очень большим результатам; мы же начали с широких горизонтов и постепенно сходили к узким элементам – к оправданию насилия, миру с неправдой и т. д. Вначале мы легкомысленно думали, что большевики просуществуют всего 2 недели, ошиблись в этом, начали с ними воевать и, не имея данных для победы, продолжали войну, даже тогда, когда сами не верили в успех, содействуя этим только разрушению России. Большевики разрушали ее, но достигли со своей точки зрения огромных результатов – в смысле подготовки мировой революции, и последняя не произойдет лишь в том случае, если мир пойдет им на уступки. Большевики начали свой страшный социальный эксперимент (имеющий, однако, корни в будущем), правильно учтя, что, когда нарушено (войной) равновесие, создается благоприятная предпосылка для такого эксперимента, и поэтому их программа стала исторической реальностью. В то время как мы не оценивали мировых условий жизни, они правильно уловили смысл мировой конъюнктуры. Их программа есть одна из трех основных мировых программ: консервативной, либерально-демократической и революционной. Первая из них, наиболее яркой выразитель-

⁷² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

ницей которой была довоенная Германия, сильная, желавшая подчинить себе другие государства, стремилась к разрешению международных противоречий и приведению мира в порядок путем империализма, основанного на господстве над другими народами. Эта программа потерпела поражение в войне, которую выиграла другая сила, вторая – основная программа – программа либерально-демократическая, выразителем которой являлся Вильсон и которая, отрицая насилие в международных отношениях, стремилась урегулировать их путем свободного соглашения, но оказалась не в состоянии разрешить этой мировой проблемы. И тогда на мировую арену выступила третья программа – революционно-коммунистическая, носителем которой является преемник марксизма и бакунизма – большевизм, выдвинувший принцип единства и основывающийся на международной силе – силе мировой социал-демократии рабочего класса. Эта объединенная даже небольшая сила оказалась способной овладеть положением, ибо условия проявления и торжества любой из трех перечисленных программ вытекают из известной обстановки, своеобразной для каждой из них. Для торжества консервативной программы нужно, чтобы все было благополучно, война же нарушила это благополучие. Для успеха второй – либеральной программы необходим тот избыток материальных благ и душевного богатства, какой был в Америке, дающий возможность шиковать, но война вызвала такие потрясения в этой области, что все государства и народы оказались в положении близком к краху, и в результате ее неудача. Наконец, для торжества третьей – революционной программы требуется удовлетворенное состояние, вызывающее всеобщее брожение и недовольство, что как раз случилось в итоге войны, почему большевизм и оказался самым реальным в данной исторической обстановке. Далее Ключников пытался доказать, что резкая конфронтация партийно-политических лагерей в конечном итоге только способствовала усилению советской власти и ослаблению ее противников: «Чем дольше разрушения и драки с ним, тем лучше для него» и борьба антибольшевиков лишь усиливала его: слабый и разваливающийся в первый период своего существования, большевизм окреп как раз тогда, когда, окруженный со всех сторон силами Колчака, Деникина, Юденича и Миллера, казался многим окончательно гибнущим. В этот критический для него момент создался своеобразный большевистский национализм, давший ему силу для сопротивления и победы, ибо народная психология была скорее за него, чем за белых генералов. В силу всего сказанного, нам надо перестать исходить из малых предпосылок, делая ставку то на Врангеля, который сегодня падает, то на комбинацию с эсерами, которая завтра неизбежно лопнет, ибо в мировой обстановке нет условий, благоприятных для успеха коалиции двух таких течений.

При этом Ключников высказал предположение: «После свержения большевиков от такой коалиции ничего не останется, и на другой же день начнется новая страшная драка между 3-мя течениями: эсерами, кадетами и более правыми, худшая, чем сам большевизм, и при таких условиях восстанавливать и спасать Россию будет нельзя. На почве этой анархии и драки большевизм, павший как режим, будет психологически и принципиально усиливаться и, может быть, впервые *действительно идейно* восторжествует и в России, и в других странах. Такую опасность нам необходимо заранее учесть и постараться найти свое определенное место в данной исторической обстановке». Для того чтобы избежать прежних ошибок, Ключников предлагает руководству кадетской партии «в своей тактике исходить из духа кадетизма, а не из своих прежних догматов, ибо легко может оказаться, что вся старая наша программа (и политическая, и социальная) уже устарела, если к ней подходить с точки зрения буквы. При царизме, например, наше заявление о республике было бы стремлением к прогрессу, а теперь оно уже регресс. Поэтому мы должны исходить сейчас не из отстаивания старой буквы – старой догмы, а из осознания себя, как силы прогресса, ибо сущность кадетизма есть служение прогрессу в условиях данного момента. Мое отношение к большевизму и исходит из духа, а не буквы кадетизма».

Ключевым положением доклада стал призыв к возвращению в Россию, совместной работе с большевиками для их идейного перерождения: «Я ясно вижу, что наиболее реальное будущее как раз у большевизма и хотя он в России, вероятно, распадется, но в мире будет духовно торжествовать. Необходимо поэтому добиваться <...> исторически мирного сосуществования либерализма с революционным большевизмом и, вместо борьбы с ним, которая только его усиливала, взять из него все хорошее в порядке эволюционного творчества. Отказ от борьбы с ним одного П. Н. Милюкова несравненно важнее и полезнее для России, чем вся работа Комиссии Уч[редительного] Собр[ания]. Нам надо омолодиться душой и, как ни противен, ни гнусен подчас большевизм, надо идти туда – в Россию, как идут на чуму и холеру, а не бежать от него. Все равно к этому, т. е. к возвращению в Россию и к борьбе с ним в политических формах, вместо попыток вооруженной борьбы и взрыва его, мы рано или поздно придем. И лучше сделать это раньше – теперь же, поддержав, например, Красина, вместо того чтобы мешать ему, ибо сейчас мы будем иметь несомненный успех. Россия не умрет, но где будем мы, если этого не сделаем. В подтверждение своих мнений докладчик цитирует затем полученные им в разное время письма от нескольких молодых (в возрасте от 30 до 35 лет) кадетов – Устрялова, Потехина и своего брата, а также ссылается на публичные выступления Коровина и Лукьянова. Все эти лица, говорит он, разбросанные по разным местам, пишут и высказывают те же мысли, что и я; и вместо новых попыток бесплодного минимального творчества, вроде Комиссии Уч[редительного] Собр[ания], необходимо идти к ним, ругающим большевиков, но желающих работать политически внутри России. Надо исходить в своей тактике из факта существования большевизма – из признания его»⁷³.

После такого доклада началась бурная дискуссия. Ее открыл Л. Е. Эльяшев, который, искажая реальные факты, находил «ссылку докладчика на Потехина, например, совсем неудовлетворительной, ибо он – бывший чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе – вступил в партию лишь в 1917 г. и почти не считался за кадета, да и сам позднее в Киеве отрекся от кадетизма и считал, что ему по пути с Кривошеиным»⁷⁴. К переносу обсуждения сути доклада Ключникова в плоскость характеристики отдельных представителей сменовеховства присоединился П. Я. Рысс, который также считал «ссылку на авторов писем неубедительной и не вытекающей из их содержания, из самого же доклада усматривает, что докладчик в нем ушел от здешней партийной позиции не влево, а вправо. Эта правизна есть следствие того, что им не было обращено должного внимания на социологию. Приглашая партию встать на новый путь, порвать со всем старым и говоря об изнашиваемости понапрасну ее морального творчества, докладчик упускает из виду, что у к-д. никогда не было социального базиса, ибо это партия внеклассовая, тогда как социальный базис может быть только классовый – правый или левый. С классовой же точки зрения партия всегда боролась, ибо стоит на почве примирения классовых интересов. При царизме мы боролись против правого базиса и теперь, когда большевики взяли другой социальный базис, мы не можем с этим не бороться. В России большевистская революция основана, в сущности, на теории избранного народа, ведущей свое начало еще от иудаизма и позднее, через протестантизм, превращающейся в теорию избранного класса. Это чисто религиозная теория, и Ленин с его диктатурой пролетариата – религиозный фанатик, глубоко верящий в свою идею. Либерализм же отрицает этот религиозный принцип и стоит за свободу общества, построенного на широком социологическом базисе. Докладчик, очевидно, это не продумал, предлагая свое примирение с большевизмом»⁷⁵. Таким

⁷³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

образом, критика большевизма, в трактовке П. Я. Рысса, заменила реальное обсуждение основополагающих идей доклада Ключникова.

По сути дела, обсуждения доклада не получилось. Поэтому все присутствующие с особым вниманием отнеслись к выступлению кадетского лидера – П. Н. Милюкова. Однако его выступление было во многом сумбурным, ибо приходилось не только оправдывать прежнюю тактику, но и защищать свою «новую тактику». Он начал с заявления, «что доклад Ю. В. Ключникова трудно понять и трудно на него возражать, ибо в нем содержатся утверждения, отчасти верные, отчасти нет, в целом же он представляет собой только общие места, довольно к тому же банальные, ибо нового как будто в нем ничего нет. Тема о хождении в Россию понятна, но она не вытекает из содержания доклада. Интересные письма надо понять, ибо это куски жизни из разных времен и обстановок, и в них авторы говорят о своих переживаниях. Но на переживаниях также, на наших прежних ошибках, на которых мы учились, основана и наша новая тактика. Новаторства в докладе никакого нет. Так, докладчик предлагает нам, оставаясь либералами, взять из экстремистских течений все хорошее, но не говорит, что именно в них есть хорошего, ибо ведь и он сам не считает же, вероятно, хорошими те разлад и разрушение, на которых основаны и успех, и опасность этих течений. Далее, призывая нас исходить в нашей тактике из духа кадетизма, а не из буквы его, докладчик не указывает более определенно, что он под этим понимает? Ибо ведь и мы, обосновывая свою новую тактику, думали не о букве, а прежде всего об идеологии партии. Утверждая затем, что мировая опасность большевизма может быть устранена лишь уступками ему, докладчик совсем не говорит о том, каковы же должны быть эти уступки. В Англии, например, сейчас на очереди гильдейский социализм, его, что ли, понимает докладчик? Критика трудна, пока Ю. В. Ключников не разовьет более полно и определенно своих положений»⁷⁶.

Выступавший затем В. А. Оболенский также заявил, вслед за П. Н. Милюковым, о том, что «не понимает доклада и ценит его лишь как известное настроение, как ощущение неудовлетворенности в эмигрантской обстановке – вне большой России. Мы все, несомненно, чувствуем происходящие там огромные процессы, но представить их себе ясно не можем. Докладчик делает попытку понять и осознать эти процессы, но и негодными средствами, и вместо того, чтобы ошибки внятно осознать и учесть их, он лишь предлагает подойти к психологии Ленина и Троцкого, ничего общего с настроениями в России не имеющей. Польза же доклада в том, что он все-таки будит наши мысли в этом направлении»⁷⁷.

Ю. В. Ключников в дальнейшем отметил, что видит причину непонимания его доклада в отсутствии общего взаимного понимания, до которого, по его мнению, доведет нас лишь сама жизнь, и далее, возражая П. Я. Рыссу, отмечал, что он в своем докладе и в своем научном труде, посвященном социологии политической жизни, говорит не о социальном, т. е. экономическом, а о социологическом базисе, являющемся результатом жизни человека в обществе: «Таких базисов три: 1) принцип принуждения (т. е. система консерватизма) власти избранной Богом личности; 2) принцип равенства, соглашения и договора, т. е. система демократизма и 3) принцип единства, для чего необходимо разрушение всего бывшего – это система революционного коммунизма. Таким образом, измены духу либерализма с его стороны нет, и остальных он не приглашает сделаться большевиками в договорные отношения. Наша задача доказать им, что их требования единства необходимо свести к равенству и соглашению и превратить ленинское движение из коммунизма в кадетизм. Эта задача примирения экстремизма с либерализмом хотя и сложная, но она должна быть задачей кадетизма. Возражения В. А. Оболенского неправильны, ибо в своих построениях доклад как раз исходит из внутренних процессов в России, с

---

⁷⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

большевизмом предлагает соглашаться не как с программой, а лишь как с реальной силой, ибо партии необходимо войти внутрь России. Полезнее сидеть с Лениным, чем с Авксентьевым и Минором, ибо первое есть приближение к левому социологическому базису, а второе есть союз с оплотом реакции и контрреволюцией и оставление себя на положении самой правой партии. Докладчик и авторы писем, понимая друг друга с полуслова, ищут действительно новых путей, вытекающих из исторического момента, а не остаются топтаться на одном месте»⁷⁸.

После этого пояснения докладчика П. Н. Милюков заявил, «что он уясняет теперь себе, почему он не понял доклада, ибо последний оказывается только предисловием к труду докладчика об его социологической теории. Необходимо подробнее познакомиться с ней, и тогда можно будет судить, что в ней нового и что банального»⁷⁹.

Доклад вызвал бурю негодования собравшихся, на что Ключников в своем заключительном слове, как сказано в протоколе, «указывает, что он не настаивает на том, чтобы его непременно сейчас поняли, но к этому приведет сама жизнь. К сожалению, произойдет это, вероятно, в неблагоприятных условиях анархии и хаоса»⁸⁰.

Как становится известно из протокола заседания парижского комитета партии народной свободы от 24 февраля 1921 г., доклад Ю. В. Ключникова «Новые задачи кадетизма» был поставлен на обсуждение на заседании 3 марта. Но тогда же позиция Ключникова вызвала резкие протесты присутствующих. Так, А. Н. Михельсон указывал «на необходимость резко осудить в газете [«Последние новости»] то соглашательское течение, которое проповедуется теперь Ключниковым и Лукьяновым и производит разлагающее впечатление в среде офицерства»⁸¹.

На следующем заседании парижского комитета партии народной свободы 10 марта 1921 г. проходит бурное осуждение вопроса о снятии с обсуждения «назначенного к слушанию в ближайшем заседании группы доклада Ю. В. Ключникова, к которому комитет уже отнесся отрицательно и который теперь является особенно несвоевременным»⁸². Ю. В. Ключников был «согласен на отложение своего доклада, ибо убежден, что недели через 2–3, когда рухнут надежды, возлагаемые теперь на Кронштадтское восстание, интерес к нему снова появится»⁸³. При этом все участники обсуждения вопроса о постановке на заседании группы доклада Ю. В. Ключникова выражали тревогу в связи с возможным скандалом и даже расколом кадетской партии. Так, лидер кадетов П. Н. Милюков с тревогой отмечал, «что этот доклад будет иметь характер скандала и приведет к внутреннему обострению, которое едва ли благополучно кончится. Этого ли желает Ключников?»⁸⁴. Одновременно выявилась группа кадетских деятелей, желающих дать отпор сменовеховству в кадетских кругах. Выступавшие Л. Е. Эльяшев, И. П. Демидов и Н. К. Волков считали, что «ввиду публичных выступлений Ю. В. Ключникова с его соглашательской по отношению к большевикам точкой зрения, необходимо заслушать его доклад на ближайшем же заседании группы, чтобы дать последней возможность решительно и

---

⁷⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁸⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁸¹ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии... Т. 4. С. 184–185.

⁸² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

поскорее от нее отмежеваться»⁸⁵. С ними не соглашался опасавшийся раскола в кадетской партии М. С. Аджемов, «ибо их точка зрения была правильна раньше, но не сейчас, когда назревают известные события и постановка такого доклада на обсуждение равносильна признанию законности взглядов Ключникова. Сейчас Группа захочет, вероятно, заняться другими, более интересными для нее вопросами и не стоит ради только того, чтобы порицать Ключникова, ставить его доклад»⁸⁶. Вполне понимая мотивы Волкова, Демидова и Эльяшева, М. М. Винавер считал «доклад Ключникова несвоевременным теперь, ибо развивающиеся в России события сами скоро сделают ненужной его точку зрения. Отмежеваться же от нее можно путем газетных заявлений и интервью»⁸⁷. По сути дела, принятие данного предложения означало «вынесение сора из избы» кадетской партии. Поэтому тут же против него выступил П. Н. Миллюков, который находил, что «снова поднимать этот вопрос в газетах – значит еще считать его спорным, в то время как отрицательное к нему отношение уже вполне выяснилось»⁸⁸. По сути дела, еще до обсуждения доклада было признано «отрицательное к нему отношение», что противоречило всем нормам партийной демократии. Со всей очевидностью проявилось нежелание руководства кадетской партии обсуждать альтернативные пути развития кадетизма. В ответ на данную реплику П. Н. Миллюкова Ю. В. Ключников заявил, что «согласен на отложение доклада, т. к. уверен, что при неизбежном, по его мнению, изменении обстоятельств доклад еще потребуется и готов сделать его во всякое время, ибо убежден в правоте своей точки зрения. Если даже большевизм сейчас и падет, то в России наступит такая анархия, что нам придется пожалеть еще о нем, и поэтому напрасно в газетах так радуются событиям и подчеркивают, что это революция. В публичности же своих выступлений не повинен, ибо выступал в закрытом заседании частной группы и не знал, что отчеты о нем появятся в печати»⁸⁹. Тогда Л. Е. Эльяшев предложил «ввиду заявлений Ключникова и нежелания его отказываться от своего доклада принять решение, что постановка его признается комитетом недопустимой, ибо последнему принадлежит право назначать или не допускать те или иные доклады в группе»⁹⁰. К этому предложению Эльяшева присоединился П. Н. Миллюков, считавший «это минимальной мерой в отношении Ключникова, дважды сейчас заявившего о своем нежелании отказаться от своей точки зрения, представляющей таким образом длительную[наверное, в протоколе опечатка и следует читать «действительную». – А. К.] опасность»⁹¹. В ответ Ключников заявил о том, что «в своей точке зрения он не отступает от основной линии кадетизма и не изменяет ему, и поэтому протестует против окончательного снятия его доклада, т. к., только выслушав его, группа может сказать, есть ли в его мнении что-либо не кадетское. Что касается времени, то для него безразлично, будет ли доклад поставлен в ближайшем заседании или через 2–3 недели»⁹². Здесь Ключников, безусловно, лукавил, ибо знал о начале выхода вскоре в Париже журнала «Смена вех» под его

⁸⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

редактерством. Доклад Ключникова был «снят с очереди» на обсуждение на заседании парижской группы кадетской партии.

На заседании парижского комитета партии народной свободы 21 апреля 1921 г. проходило обсуждение коалиции с эсерами с целью создания национального комитета членов Учредительного собрания. Здесь Ю. В. Ключников снова выступал с уже известной точкой зрения, отличающейся от мнения других членов комитета. Он считал, что «неудача с коалицией указывает на неправильность выбранного нами пути. Мы подходили чисто формально к вопросу, а по существу ничего не делалось. Получился только внешний политический проект нашего полевения, по существу же чисто формальное слияние с эсерами не есть еще полевение. Подбирались только определенные эсеры и определенные приемлемые для них кадеты, и вместо коалиции и широкого демократического фронта получилось только то, что или эти эсеры стали кадетами, или же кадеты сделались эсерами. Если взять, например, «Последние новости», то сейчас это по существу не кадетская, а скорее правоэсеровская газета, ибо в ней проводятся аргументация и интересы правых эсеров. Если же читать «Волю России», то по ней выходит, что здешние правые эсеры стали кадетами. Нового, таким образом, ничего не получилось»⁹³.

Далее Ключников коснулся вопроса о возможности признания ведущими мировыми державами Советской России: «Исполнительной Комиссией пишется декларация об англо-советском договоре, представляющая собою только формальную отписку, а жизнь в это время идет своим чередом, и на нее мы не реагируем. Важно совсем не то, есть ли этот договор юридическое признание или непризнание большевиков, а то, что они фактически существуют и с ними заключают такие договоры – это последнее есть жизнь. Жизнь также и то, что Италия собирается торговать с большевиками, что последние двигаются теперь на Финляндию, стремясь, по видимому, уничтожить ее самостоятельность, и что «Maten» пишет им хвалу. Все это теперь жизнь, которая идет мимо нас. И мы всегда будем в этом положении, если будем оставаться с эсерами. Россия уже переросла и эсеров, и «Последние новости», ибо для нее опыт трех с половиной лет большевистской революции не прошел даром и ко многому приучил русский народ. Мы не должны забывать того, что придем не в Россию Керенского, а в Россию Ленина, и если не изменим, в соответствии с этим, нашей тактики, то духа ее не уловим.

Что же касается ссылок на отношение к нам западноевропейских держав и их демократий, то не надо забывать, что они готовы торговать с кем угодно, если им только уплатят золотом, а что будет у нас: республика или монархия и т. д., то это им все равно»⁹⁴.

В заключительной части своего выступления Ключников вновь предостерег кадетов в эмиграции от попыток союза с эсерами, что, по его мнению, неизбежно приведет к потере либералами своего политического лица. Не создание национального комитета, объединяющего различные антисоветские силы, а творческая работа кадетов на территории Советской России может привести к победе либеральных идей в России. «Ошибочно то, что мы играем в соглашение и в Нац[иональный] Комитет, тогда как нам надо выступить самостоятельно, как определенной социальной силе (прогрессивной, либеральной и т. д.). Поэтому необходимо выяснить, нет ли у нас собственных широких возможностей и перспектив для России. Эти возможности и перспективы в нашей культурной роли там»⁹⁵.

Вскоре после этого Ю. В. Ключников был лишен возможности отстаивать свои взгляды и в официальной кадетской прессе. Оставаясь еще членом парижского комитета партии кадетов, он был вынужден публиковаться в других изданиях. Так, 3 июля 1921 г. в гельсингфорсской

⁹³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokratischeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

«беспартийной ежедневной газете» «Путь» (ответственный редактор-издатель К. И. Игарин) была опубликована развернутая статья Ю. В. Ключникова «Логика примирения», подписанная инициалами Ю. К. В комментарии редакции сказано: «Настоящая статья написана проф[ессором] и «буржуазным» общественным деятелем, игравшим видную роль в русском «белом» движении, но уже с 1919 г. пришедшим к сознанию необходимости признания Сов[етской] власти и примирения с нею»⁹⁶.

Статья почти незнакома отечественному читателю ввиду узкого круга распространения газеты и уже потому заслуживает особого внимания. Она написана в особой, «отстраненной» манере, словно автор не имел прямого отношения к «сменовеховству». И это делает ее особенно интересной, ибо «взгляд со стороны» позволял Ю. В. Ключникову оценить себя и позиции своих сторонников и оппонентов. Статья начинается с оценки зарождения примиренческих взглядов: «С некоторых пор в русских **либеральных** кругах, особенно за границей, начало складываться новое весьма серьезное течение.

Для него придумано уже несколько названий: «пробольшевизм», «соглашательство», «примиренчество». По личным и географическим признакам его иногда называют «гресдуковщиной» (в России), «ключниковщиной» и «лукияновщиной» (в Париже), «устряловщиной» (в Харбине).

Чисто внешние причины мешают пока этому течению сделаться стихийным, открытым и решающим для современного русского самосознания. Но то, что не находит себе естественного выхода наружу, обычно тем сильнее скапливается внутри. И недалек, думается, день, когда рамоческие властители русских беженских дум с удивлением заметят, что все покинули их и что уже некому больше пододвигать им горшочки для мутных плевков в Россию и в ее будущее.

Думается так потому, что за новым течением все преимущества молодости, силы, интеллектуальной честности и действительной готовности на жертвы. А главное – за ним верное понимание России и жажда прогресса»⁹⁷.

Далее автор статьи на основе писем своих корреспондентов из разных мест пытается обосновать распространенность подобных идей: «Передо мной ряд писем моих друзей из разных стран – куда только ни забросила нас, русских, злополучная судьба?! Передо мной статьи и книги таких «примиренцев», к голосу которых нельзя не прислушиваться. В моей памяти запечатлелись беседы с целым рядом лиц, – неожиданно **интересные** беседы, богатые **новыми** мыслями. Эти лица – тоже «примиренцы», «соглашатели», «пробольшевики».

Кто же они, подготовители и носители нового русского политического сознания?

По преимуществу, люди в 30–35 лет – профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, художники, писатели, артисты и журналисты, словом, все те, из кого обычно составлялся до сих пор «цвет русской интеллигенции»⁹⁸.

И хотя автор статьи отмечает, что «их мысли трудно еще пока свести в единое учение или формулировать как законченную политическую программу», однако «некоторые из тезисов наметились с полной определенностью и приобрели серьезное практическое значение.

На мой личный взгляд, главнейшие среди них следующие:

1. Будущее России всецело определится, с одной стороны, взаимоотношением между русскими силами, действующими в самой России, а с другой стороны, общим международным положением.

2. Современная русская эмиграция безвозвратно утратила всякую реальную силу в деле строительства новой России и жестоко заблуждается, считая себя хранительницей идеалов русской государственности.

⁹⁶ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

⁹⁷ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

⁹⁸ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

3. Несмотря на все ужасы и разрушения, сопровождавшие русскую революцию, положительное значение этой революции для дальнейшего прогресса, русского и всеобщего, несомненно.

4. Насильственное свержение существующего советского строя не обещает ничего, кроме разгула – ужасающей анархии. Ввиду этого всякие попытки искусственно прервать органический процесс перерождения России подлежат осуждению, а всеобщие усилия должны быть направлены на содействие здоровой эволюции нового политико-социального режима.

5. Необходимо всячески содействовать скорейшему экономическому возрождению России, применяясь к современным условиям русской действительности и к основаниям, выявившимся в процессе русской революции. Ввиду этого совершенно недопустима политика, направленная к экономической изоляции России.

6. Восстановление экономических сил России и возвращение ее к участию в международном общении необходимо не только для самой России, но и для разрешения кризисов, переживаемых ныне большинством стран»⁹⁹.

Далее автор размышляет о новых геополитических условиях существования России ввиду ошибок и поражений белых сил: «Для того чтобы недавние противники советского строя превратились в его добросовестных защитников, понадобился, конечно, целый ряд очень важных условий.

Главнейшее среди них то, что за время с ноября 1917 г. все вообще условия русской действительности резко изменились.

Припомним:

Тогда почти для всех являлось аксиомой, что «большевики продержатся» лишь две-три недели. С ними представлялось необходимым бороться, как с демонами разрушения, которые в мгновение ока могут наделать бесчисленных бед, беспечельных и непоправимых.

Теперь – за ними **сорок четыре месяца** официального управления Россией. Срок громадный. Его было более чем достаточно, чтобы многое создать совершенно заново.

Значение указанных сорока четырех месяцев не исчерпывается, однако, их чисто механическим действием. Время – великолепнейший исторический реактив. Его нельзя обмануть. Особливо во время революции. Если бы советские декреты, в самом деле, были так беспочвенны, как то казалось вначале, то их нельзя было бы издавать непрерывно в течение столь долгого срока. Напротив, если бы рецепты наших патентованных политиков действительно были реальны и умны, они не терпели бы один за другим неизменное фиаско.

«**Этак** нельзя управлять Россией», говорили о народных комиссарах прежде.

«Очевидно, **только так** и можно было управлять во время революции», – приходится сказать о них теперь.

Далее:

Идущий под интернационалистским знаменем русский советский строй казался насквозь антинациональным. Однако чем дальше, тем все яснее выявлялось наряду с общечеловеческим его призванием также и его чисто национальное призвание. Если уже при его способностях к самообороне и нападению не удастся вывести Россию на новые пути и отстоять ее от попыток раздробления и расхищения, то противникам его это и подавно не удастся.

Прежде не было сомнений в могуществе крупнейших из иностранных держав. Любые два иностранных корпуса моментально решат участь советской власти. Иное дело теперь. **Теперь** стало очевидным, что при всем желании иностранцы не в состоянии сокрушить Россию Ленина и вынуждены считаться с ней, как с первостепенной международной силой. Сила же и до сих пор играет в международных отношениях решающую роль. А отсюда вывод: Ленин необходим России, как средство самозащиты от врагов и... приобретения друзей.

⁹⁹ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

Прежде можно было верить, будто догма для советских деятелей превыше всего и будто в жертву ей они готовы принести все (даже возможность ее осуществления). Опыт опроверг и это представление: Ленин и Троцкий возглавляют группу людей, хорошо умеющих соразмерять средства и цели. Они привычны не только идти напролом, но и «лабирировать», а следовательно – «эволюировать». Автор подробно разбирает положение, сложившееся в лагере противников большевиков, после поражения основных белых сил: «Параллельно с выявлением подлинного лица русского революционного экстремизма выявлялось лицо и русского «антибольшевизма».

Печальное лицо.

Своего рода портрет Дориана Грея.

Вначале – отличные прогрессивные задания. Против новой власти – «все лучшие русские люди». Искренний и могучий жертвенный порыв. Достаточные реальные силы.

Но вот проходят все те же сорок четыре месяца и полный разброд т[ак] наз[ываемого] Белого движения, полное его банкротство физическое и моральное.

Все, что им становилось в вину революции, с еще большим правом приходится поставить в вину ему самому.

Сколько русских жизней погублено исключительно по его вине – без нужды и без пользы! Сколько русского достояния разрушено! Сколько честных русских людей сделалось ворами и спекулянтами! Сколько хороших русских девушек и женщин превращено в константинопольских проституток. Повторяю, – по его и только по его вине»¹⁰⁰.

После этого автор статьи с горечью отмечает пагубность продолжения антисоветской борьбы за счет объединения различных антибольшевистских сил: «Какая чудовищная моральная притупленность нужна для того, чтобы вопиять о вооруженной борьбе с Советской Россией «до победного конца» **в ясном сознании безнадежности подобной борьбы**. Каким своеобразным хладнокровием должны были обладать те из корифеев русской эмиграции, что на другой день после падения Врангеля заявляли:

– Ну значит, я немного ошибся. Впрочем, я предвидел... Теперь попробуем с эсерами, авось что-нибудь выйдет!

Или эта пресловутая формула: «Ни Колчак, ни Ленин» (гад одинаково всем). Или это тупое долбление наших политических дятлов все в одну и ту же точку! Или еще: федерирование Бог знает с кем, лишь бы получить дюжину пушек и тысячу патронов!

В конце концов, жажда свержения «кучки большевиков» превратилась в своего рода психоз, в манию, в бредовое помешательство.

Только бы сбросить их, а что дальше – безразлично.

Будет ужасающая анархия с новыми пожарищами и новыми морями крови? – Ничего.

Реакция? – Великолепно. С исчезновением народных комиссаров исчезнет ли революционный экстремизм? – Не знаю, и знать ничего не желаю. Только бы не было большевиков.

Да, таков новейший русский антибольшевизм.

То преступный в своей добела раскаленной ожесточенности, то глупый в своем упрямом противодействии истории, он в лучшем случае абсолютно импотентен со своим мармеладным желанием полюбовно разрешить все споры большинством голосов там, где нет никакой любви и где тщетно искать какого-либо большинства»¹⁰¹.

Далее автор статьи в просоветской газете «Путь» пишет о тех, кто исповедует идеи «сменовеховства», «национал-большевизма»: «Их логикой и чувством заведуют три цели: понять всю глубину совершающегося исторического перелома; найти наиболее верные способы преодолеть современный хаос; служить общественному благу и прогрессу в наиболее широких из **эволюционно осуществимых** пределов.

¹⁰⁰ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

¹⁰¹ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

Действенным отражением этих-то трех целей и является все новое «примиренческое» или «соглашательское» направление.

А если верно, что каждый крупный исторический этап есть синтез тезисов и антитезисов предыдущих этапов, то не дается ли в обрисованном только что новом направлении русской общественности творческий синтез всего наиболее ценного, что дала России ее прежняя духовная культура и что дает ей теперь ее грандиозная революция?

И не этот ли синтез отучит, в конце концов, от подчеркивания: «большевистская Россия», «Советская Россия» и по-новому вернет всех к термину краткому, могучему и всем одинаково дорожному: Россия»¹⁰².

Через месяц в этой же газете под заголовком «Развал к. д. партии» появился отчет о заседании парижской группы партии народной свободы от 7 июля 1921 г., который по своему характеру должен был дезавуировать отчет об этом же заседании в милюковских «Последних Новостях». Материал был опубликован без подписи, но по его содержанию можно сделать вывод о том, что он принадлежит перу Ю. В. Ключникова (об этом позже говорилось и на заседании парижской группы партии кадетов). Одновременно хочется обратить внимание на то, что газетная публикация состоит из двух неравных частей. Первая часть кратко пересказывает, со слов автора материала, «обширный доклад» П. Н. Милюкова, который «обрисовал борьбу между «старой» и «новой» тактикой на съезде членов ЦК партии (26 мая – 2 июня)», и дискуссию после доклада¹⁰³. Вторую часть составляет развернутое изложение речи Ю. В. Ключникова, что по сути дела определяет смысл публикации: «неправильная» точка зрения П. Н. Милюкова противопоставляется «правильной» точке зрения Ю. В. Ключникова. Уже поэтому данный материал представляет значительный интерес и заслуживает подробного изложения.

Однако этим повышенное внимание к настоящей газетной публикации не исчерпывается, ибо здесь последовательно излагается вся история противостояния кадетской партии и Ю. В. Ключникова. Кроме того, у нас есть возможность сопоставить текст речи Ключникова, опубликованный в «Пути», с текстом протокола заседания парижской группы¹⁰⁴ (для удобства сопоставления текстов данный протокол выделен в общем тексте газетного отчета *подчеркиванием*).

Как уже отмечалось, первая часть кратко пересказывает пространный доклад П. Н. Милюкова. «Немалое внимание уделил П. Н. Милюков... указаниям на то, с каким единодушием... так называемая «новая тактика» была принята не только парижским комитетом, но и самой парижской группой в ее целом.

После доклада начались «фактические замечания». Длинный ряд ораторов внес многочисленные поправки в сообщения докладчика, причем большинство из них настойчиво подчеркивало, что ни о каком единодушии в принятии «новой тактики» не может быть и речи. И так энергичны были эти подчеркивания, что у случайного слушателя могло бы составить впечатление, что если в чем и единодушны парижские кадеты, так это в отрицании ими тактической программы своего лидера»¹⁰⁵.

Далее анонимный автор публикации в газете «Путь» полемизирует с автором отчета в «Последних Новостях», ибо в милюковском печатном органе было заявлено, что «прения по существу (не обещающие быть продолжительными, ибо настроения определились)» были отложены, а в «Пути» утверждалось, что «они уже начались». И дальше в гельсингфорсской газете подробно излагалась «большая речь по существу вопроса о партийной тактике, занявшей весь конец заседания», с которой выступил профессор Ю. В. Ключников:

¹⁰² Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

¹⁰³ Путь (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

¹⁰⁴ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 76–77.

¹⁰⁵ Путь. (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

«В нашей партии много говорят о двух тактиках: «старой» и «новой». На самом же деле давно пора говорить *о трех* тактиках. Третья тактика, которую я имею в виду, еще не получила широкого признания, а тем более какой-либо официальной апробации. Тем не менее, необходимость перейти к ней ощущается и сознается все более и более отчетливо. Причина этого в том, что и старая кадетская тактика, и так наз[ываемая] «новая тактика» одинаково обнаружили свою полную несостоятельность, беспочвенность и нереальность и менее всего могут считаться пригодными для какого-либо спасения России.

К тем, что только и знают, что взывают к борьбе с большевиками до конца и при всяких условиях, – разумеется, – не обращаются голоса людей, успевших уже понять ненужность и вредность подобных призывов. Но на мою долю выпало сказать моим товарищам по партии, что избранные ими пути неправильны и потому именно мне яснее всего видно, насколько сильно течение в русской либеральной среде в пользу решительного пересмотра основной своей тактической программы. Но есть и другая причина, в силу которой я считаю нужным настаивать на внимании к «третьей тактике». Поскольку она проявляла себя до сих пор в оценках положения в России, в прогнозах, *только она шла верными путями, только она обнаруживала верное чувство действительности*. Того же нельзя сказать про две другие тактики: действительность неизменно опровергала все ожидания их представителей»¹⁰⁶.

Далее неназванный автор в «Пути», за которым легко узнается Ю. В. Ключников, пространно излагал точку зрения профессора Ключникова: «После крушения Деникина мне пришлось указывать, что дальнейшая вооруженная борьба против Сов[етской] России не обещает ничего, кроме совершенно напрасной жертвы русскими жизнями и новых ненужных разрушений. Я говорил, что скоро партия Народной Свободы волей-неволей откажется от принципа вооруженной борьбы, но неискупимые жертвы уже будут принесены... Так оно и случилось. Наша партия отказалась от идеи вооруженной борьбы, но лишь после того, как еще несколько десятков тысяч русских людей было загублено абсолютно напрасно, и я знаю, что никто меня не сумеет в этом опровергнуть.

Когда зашла речь о признании и поддержке Врангеля партией Народной Свободы, я решительно высказался и против такого признания, и против такой поддержки. Мне была совершенно ясна безнадежность его попытки и удручающая атмосфера, в которой она предпринималась. Опять-таки это не в силу какого-то особого моего дара предвидения, а всецело потому, что в своих оценках и действиях я не руководствовался слепым инстинктом борьбы с большевизмом, независимо от условий и результатов. Когда дошло дело до голосования резолюции о поддержке Врангеля, я голосовал *против* поддержки и тем побудил еще одного члена группы воздержаться от голосования. Таким образом, мне принадлежит своего рода заслуга перед группой: благодаря мне столь же ответственное, сколько и неудачное решение ее *не сделалось единодушным решением группы*»¹⁰⁷.

Далее приводятся уже известные нам аргументы Ключникова против союза с эсерами на основе создания национального комитета: «Среди виднейших парижских кадетов возникает мысль о создании «национального комитета». Основанием, на котором должен быть построен национальный комитет, было: *соединение не соединяемого и согласование не согласимого*. Пред лицом полного распада антибольшевистского лагеря был выкинут старый флаг «единого фронта». Верить в возможность такого фронта при общей создавшейся конъюнктуре было крайней политической наивностью. Поэтому отнюдь не трудно было предсказать, что из попыток кадетов создать межпартийный и межгрупповой национальный комитет ровно ничего не выйдет. Во-первых, – утверждал я, – парижской группе попросту не удастся создать такой

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

комитет; а во-вторых, если бы он и создавался, ей бы трудно было гордиться своим детищем. Разве не вышло именно то, что я говорил.

Далее следует период переговоров с соц[иал]-революционерами на предмет создания умеренно-левого фронта под эгидой «Совещания членов Учредит[ельного] собрания».

По отношению к этой новой комбинации в борьбе против Советской России я высказываю тот же скептицизм, какой высказывал по отношению к предыдущим комбинациям. Благодаря ей кадеты утратили свое лицо, потратили массу энергии, раскололись на два враждебных лагеря, и все без малейшего положительного результата. Как на результат торжества «новой тактики» я могу указать на издание П. Н. Милюковым «Последних Новостей» и на решение, которое было вынесено кадетскими юристами в лоне Совещания членов Учредительного собрания по поводу заключения англо-советск[ого] торгового договора.

В «Посл[едних] Новостях» совершенно нельзя узнать кадетской газеты. Это – пропагандистский листок, вся задача которого доказать, что вот-вот завтра, вот-вот сию минуту «большевики падут». Получается то же, что у Слиозберга, который второй год уверяет, что стоит лишь сделать небольшое усилие и от большевизма не останется и следа (помните его постоянный призыв «раздавить гадину»)? А что будет после того, как удалось бы насильственно сорвать советскую власть, «Посл[едние] Новости» не считают нужным уяснить себе.

Что же касается решения юристов с рю де-ля-Помп, то на другой же день после их заявления, что англо-советский договор не есть признание советской власти, английское правительство установило диаметрально противоположное.

Итак, результаты «новой тактики» чисто словесные. Но в них есть и одна несловесная сторона: за удовольствие говорить в Париже о борьбе, без малейшей возможности вести борьбу в России, тысячи русских интеллигентов расплачиваются голодом, преследованиями»¹⁰⁸.

Последняя часть статьи, пересказывающей выступление Ключникова, касалась вопросов изменения отношения к большевикам: «Даже если продолжать считать, что главная задача момента – это во что бы то ни стало «сокрушить большевизм», даже и с этой точки зрения тактика нашей партии не выдерживает критики. Как уже неоднократно указывалось, нами делается все, чтобы оправдать морально и тактически все действия большевиков.

Вот ввиду того, что русский антибольшевизм жестоко ошибся в оценке происходящего в России, ввиду того, что придерживаться принципа борьбы с советской властью значит до бесконечности затягивать мирное преодоление революционных потрясений, я со всей определенностью заявляю: пора прекратить призывы к борьбе с Советской Россией. Пора заметить, что многое из того, что делается ею, вполне согласуется с национальными интересами России и интересами международного прогресса. Пора открыто и прямо поставить вопрос о необходимости вернуться в Россию и об условиях, при которых это возвращение может быть возможно. Партия Народной свободы есть партия эволюционного национального прогресса. Не ее дело упрямо призывать к вооруженной борьбе, а тем более *благословлять других*

---

¹⁰⁸ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.